

КРОКОДИЛ

№ 31 (1789) • ГОД ИЗДАНИЯ 44-й • 10 НОЯБРЯ 1965

— Тряхнем стариной!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА
по теме читателя Ю. Мещерякова

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ФУТЛЯРА

«Человек в футляре» — это понятно. Это очень красочно Антон Павлович Чехов отобразил. Это вошло в историю. Литературы, конечно.

«Человек без футляра» — понятие новое. И чтобы в нем разобраться, надо влезть в историю. Но в историю бюрократическую.

В шестом номере «Крокодила» была помещена заметка, в которой рассказывалось о том, как житель г. Тернополя Р. Власюк пытался добыть футляр к своему фотоаппарату. После бесплодных попыток достать необходимую вещь в своем городе он написал в Мосгорсовнархоз. Через месяц получил ответ, в котором управление обувной и кожевенной промышленности совнархоза известило, что указание выслать требуемый футляр дано директору фабрики кожаных изделий Н. Ф. Лесовому.

Между прочим, заметка была напечатана после того, как Власюк прождал ответ с фабрики еще больше месяца.

Но после выступления журнала события стали разворачиваться в бешеном темпе. На фабрике, судя по всему, объявили аврал. И вскоре тернопольца пригласили на почту, где его ждала посылка «наложенным платежом».

Выложив 12 целковых, фотолюбитель схватил долгожданный подарок и полетел домой, как на крыльях. Есть наконец футляр!

А извлек он его из упаковки — и ахнул. Не то! Ему нужен футляр для фотоаппарата «Киев-2», а прислали для «Киева-4».

Конечно, можно было выбросить к чертям старый аппарат, не влезавший в новый футляр, и купить новый, влезавший. Очевидно, именно на такой шаг и рассчитывал директор фабрики тов. Лесовой. Но фотолюбитель почему-то поступил не так. Он упаковал полученный им подарок и отправил его обратно. А к нему приложил одолженный у соседа футляр, наивно полагая, что на фабрике, увидев этот образец, вышлют такой же в Тернополь.

За эту наивность Власюк наказан. У него теперь нет ни негодного нового, ни пригодного соседского футляров. Плачут и его 12 рублей, которые он выложил за kota в мешке, то бишь за футляр в упаковке.

Зато есть у него бумажка из совнархоза. А она чего-нибудь да стоит. Можно даже точно сказать, сколько: грош.

А. Р.

КОТ В КОНТЕЙНЕРЕ

Торговая база комбината «Воркута-уголь» получила kota в мешке. А точнее, kota в контейнере.

Этот фигуральный кот оказался грязным и обшарпанным. Из контейнера мы извлекли десятки изжеванных мужских сорочек, изрядно усыпанных пятнами. Затем на свет божий появились куртки с «молниями», которые не только не сверкали, но и не закрывались.

Все это мы закупили, естественно, заранее не глядя (не разглядишь: далеко!), у магазина № 26 Мосспорторга под видом первосортной спортивной одежды, уплатив 1923 рубля.

Особенно нас умилила одна первосортная кожаная куртка. Судя по внешнему виду, ее уже не раз носили. А чтобы у нас на сей счет не осталось никаких сомнений, шутники из спортивного магазина оставили в кармане использованный трамвайный билет.

Вот это нас уже немного обидело. За такую цену (37 рублей) можно было бы добавить не разовый билет за три копейки, а хотя бы сезонный.

В. ОРЛОВА,
товаровед

г. Воркута.

БИТВА ЗА ПОЛТИННИК

Киевский завод «Геофизприбор» получил от Новосибирской конторы снабжения Госгеолкомитета 400 радиоламп. 399 целые, а одна — в пути или, может, при упаковке — разбилась.

На защиту финансовых интересов родного завода встал руководитель ОТК Г. А. Гейман. Не теряя ни минуты, он созвал представительное совещание, в котором участвовали, кроме самого Геймана, еще заведующий складом, инженер, контролер и специально приглашенный «представитель незаинтересованной организации».

Совещание завершилось визуальным осмотром разбитой лампы стоимостью в полтинник. Пять деятелей долго и тщательно исследовали осколки и отразили свой титанический труд в обстоятельном акте.

Вопрос был поднят на принципиальную высоту. Неудовольствием Гейман решил написать в Новосибирск требование «срочно выслать ваше-

го представителя для участия в двустороннем осмотре».

На этих словах он задумался. А вдруг не вышлют представителя? Что тогда делать? Надо их припугнуть хорошенько. И закончил свое послание так:

«Предупреждаем, что при неприбытии вашего представителя или неполучении ответа до 20/VI—65 г. мы вынуждены будем брак — одну радиолампу 6Н1П — вернуть в ваш адрес и на стоимость последней предъявить вам претензии».

Судя по хватке тов. Геймана, надо думать, что он будет бороться до конца и любой ценой вырвет упомянутый полтинник. Сотню рублей понадобится истратить в этой борьбе — истратит сотню. Тысячу — так тысячу. Интересы родного завода для него дороже денег.

Б. ОЛЬГИН

О ЧЕМ КРИЧАЛИ ПЕТУХИ

1961-й. «Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно». Следуя указаниям петушка и заведующего Кокчетавским роно товарища Таттыгожина, первоклассники Раздольненской школы-интерната, взявшись за ручки, взволнованные и радостные, явились в школу.

— А здесь, дети, наши дорогие дяди-строители возведут для вас общежитие, — сказал директор тов. Попов.

«И зазвенят в нем детские голоса и смех», — добавили лирики из областной газеты «Степной маяк».

1962-й. «Дети, в школу собирайтесь...» Грамотные второклассники заполнили двор Раздольненской школы. Когда директор неуверенно начал: «А здесь наши дорогие дяди-строители из «Кокчетавсовхозстроя» возведут...» — наиболее скептически настроенные только шмыгнули носами, и тов. Попов стыдливо замолчал. Уж он-то знал, что из денег, отпущенных на строительство, освоено с гулькин нос. То есть почти ничего.

1963-й. Бывалые третьеклассники приступили к занятиям. Из окон класса хорошо был виден фундамент спального корпуса. На этот раз тов. Попов не сказал ничего. Зато пели петухи.

1964-й. Старых петухов съели. Вылупились и возмужали новые. По крику этих новых солидные четвероклассники заняли свои места. Во время перемены они читали газету «Степной маяк», где была помещена заметка о том, что к ноябрю корпус будет сдан.

1965-й. И снова пятиклассники читали «Степной маяк». Их интересовала заметка «Готовы ли вы к первому звонку?». Там было сказано, что корпус не готов и ныне, а таиннические строители трудились так рьяно, что даже потеряли проект. На объекте уже нужно перестилать полы, подгонять рамы, двери, перекрывать крышу.

За незастекленным окном кричало пятое поколение петухов.

Устин МАЛАПАГИН

«SOS-КУ!»

Во многих городах младенцы обоего пола усиленными «уа!» требуют включения и их в сферу обслуживания. Точнее, они требуют сосок-пустышек.

Увы, этот младенческий ширпотреб — «узкое место» в соответствующей отрасли промышленности. Сосок не сыскать даже в таких крупных городах, как Курск, Белгород, Воронеж, Тамбов...

А младенцы кричат. Плачут. Требуют. Они даже не против того, чтобы им заткнули рты. Но чем?

К. СЕННЕР

Курская область.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТАМИ

Прочитал я в 26-м номере вашего журнала «Сказку про кетмень» — о том, что в Алма-Атинской области кетмень не разыщешь, и подумал: это вовсе не бабушкина сказка. И у нас в Узбекистане кетмени на улицах не валяются.

А чему тут удивляться? Кетмень не просто лопата. Кетмень не просто мотыга. Кетмень — сложная помеся лопаты с мотыгой. Чтобы создать такой гибрид, надо не только голову иметь, но и ноги. Побегать надо!

Вот решили на Андижанском машиностроительном заводе запустить в производство этот агрегат, состоящий из куска металла, насаженного на деревянную ручку, и горя хлебнули. Чтобы утвердить технические условия, понадобилось к шести организациям обратиться: от производственно-технического управления совнархоза до облпотребсоюза. Собрать семь печатей да столько же подписей. Долго гадали специалисты, авторы этих подписей, что, собственно, им утверждать. И наконец надумали описание:

«Кетмень средний представляет собой инструмент, предназначенный для сельскохозяйственных и прочих земляных работ».

Заинтересовал меня такой вопрос: когда тысячу или более лет тому назад среднеазиатские кузнецы делали кетмени, в какие инстанции они предварительно обращались?

В. МИЛАНОВ,
инженер-конструктор

г. Ташкент.

Борис СИБИРЯКОВ

АВРАЛЬЩИКИ

В иных
месткомах и советах,
в иной статье передовой
борьбу склоняют
так и этак:
— Борьба!
— Борьбы!
— Борьбе!
— Борьбой!

Бывает,
затевают битву,
чтоб наточить
тупую бритву.

Идет упорная борьба
за сушку
белого гриба.

Не починили отопление —
предпринимают наступление.

Чтоб вбить
на стройке
два кола,
опять же
бух в колокола!..

Но скажем честно:
в деле малом,
в запарке прозевав огрех,
не стоит
всех будить авралом,
не надо
всех свистать наверх.

Авральщики!
Знаком я с вами,
и мне
сдается временами,
когда гремит
оркестров медь:
вы трудности
плодите сами
затем, чтоб после
в шуме-гаме
«успешно их преодолеть».

Александр ГАЛКИН

ПОПУГАЙСКАЯ

КРИТИКА

Попугаю
Не дан разум,
Заучил он кое-как
Лишь ругательную фразу:
«Ты дурак!»
Но порою,
К сожаленью,
Слышу я такое мнение:
«Если так
Всех крыть умеет,—
Значит, он
И всех умнее!
Сила чувствуется,
Зрелость
В попугаевом уме.
«Ты дурак!» —
Какая смелость
В этом кратком резюме!»

Перевел с чувашского
Иван ЗАКОНОВ.

В. КРИВОЛАПОВ

НА СТАДИОНЕ

За каждый гол по стопке пил он
И становился все бодрей.
— Ты что, ослеп!—судье вопил он. —
В воротах двое вратарей!

г. Барнаул.

— Сами рубль дадите или обсчитывать придется?

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Сказка о рыбаке и рыбке

Ц. МЕЛАМЕД

Жил старик без своей старухи у самого синего моря. По путевке жил, в санатории. Принимал он там процедуры разные ровно три дня и три ночи. Взбодрился старик, приосанился и пошел к морю ловить рыбку.

Раз забросил удочку — ничего не поймал. Второй раз — то же самое. А забросил в третий раз — и... подцепила его на крючок рыбка. Не простая рыбка, а позолоченная.

— Попался, старче, — молвила рыбка человеческим голосом, — веди меня в ресторан!

Чуть свет на другой день снова приплыла рыбка к санаторию и кличет своего старика. Вышел он на берег морской и спрашивает:

— Сказывай, милая, чего тебе еще надобно?

— Негоже мне быть рыбкой позолоченной, — отвечает рыбка, — хочу быть золотой.

Крякнул старик, охнул старик, но делать нечего. Снес чемоданчики свои на рынок и

приобрел рыбку золотую чешую.

А вечером третьего дня лежал старик на топчане, держал в руках сберкнижку и тоскливо копейки считал и пересчитывал. Но, услышав призывный клич рыбки, несказанно возрадовался:

— Не забыла меня рыбонька моя, ранее позолоченная, а ныне золотая!

Глянул он в хляби морские и видит: плывет к берегу его рыбка и так ласково, так приветливо машет хвостиком... другому рыболову.

Он возьмет тот рушник?

ными деструкторами. И тогда, не утраждая себя сомнениями, он просто аннулировал заказ. Почему? Потому что его завод не приспособлен к выпуску деструкторов.

Интересно, не правда ли? Три года директор крупного завода, официальное лицо, видный хозяйственник, морочил голову как отдельным лицам, так и целым организациям. А потом вдруг прозрел! И отказался от важнейшего заказа.

А все это время громадный цех себазиновой кислоты бездействовал. А народное хозяйство не получило ни грамма этой нужной продукции. А миллионы наших рублей не принесли нам еще ни копейки дохода...

У нас кое-где утвердилось и негласно обрело права гражданства странное отношение к предприятию-заказчику. На его пожелания не обращают внимания, на запросы не отвечают. Его представителей не пропускают на территорию завода-поставщика, не принимают в отделе сбыта, часто не устаивают рукопожатием. Их считают презренными, стоящими вне закона толкачами, которых нельзя разве что хлопать по щекам и травить кобелями.

Произошла ничем не оправданная переоценка ценностей. Кто прав, а кто виноват? Кто злодей, а кто жертва? Эти четкие когда-то понятия ныне спутались и смешались.

Баглейский коксохимический завод, что в городе Днепропетровске, должен был получить от Магнитогорского метизо-металлургического за-

вода нержавеющей сита для производства минеральных удобрений.

Когда магнитогорцам стало ясно, что выполнить заказ своевременно не удастся, они немедленно телеграфировали коксохимикам: «Просим извинить срыв поставки зпт принимаем самые решительные меры скорейшей и безоговорочной отгрузки сит». Более того, начальник магнитогорского отдела сбыта тов. Панафидин прилетел в Днепропетровск для личного свидания с директором коксохимиков тов. Миряном.

— Не губите, Иван Федорович! — взмолился Панафидин. — Да, мы плохие, мы виновны в ваших убытках. Но будьте великодушны, не предьявляйте штрафных санкций! Ей-богу, это в последний раз! Хотите, я перед вами стану на колени, голубчик? Ведь жена, дети!..

Так должно быть, но так не бывает. К сожалению, в рассказанном нами случае все произошло наоборот. Все, кроме срыва поставок и большого ущерба, причиненного коксохимикам.

Пять умоляющих телеграмм с оплаченным ответом послал в Магнитогорск тов. Мирян, но все они остались без последствий. Начальнику смены химцеха тов. Войтковскому, человеку изобретательному и энергичному, пришлось срочно перекалвалифицироваться в толкачи, но и он не сумел пробиться к директору метизников.

И лишь спустя пять месяцев тов. Панафидин с веселой издевкой со-

гласился отправить сита на станцию Красноармейск, находящуюся за 500 километров от завода. Почему именно в Красноармейск, а не в Комсомольск, Бугульму или Чирчик — этого никто понять не смог.

— А мне все ясно, — скажет читатель. — Ведь договор был заключен? Штраф в нем предусмотрен? Виновник очевиден? Значит, надо ударить его рублем!

Нет, товарищи, в большинстве случаев нельзя его ударить рублем. Его можно лишь безболезненно пощекотать копеечкой.

Недавно автору этих строк довелось лететь в башкирский город Белорецк. Моим соседом по самолету оказался симпатичный и словоохотливый инженер из Литвы. Каждый квартал прибывает он на Белорецкий металлургический комбинат и всегда привозит местным сбытовикам памятные подарки. Чтобы не забывали и своевременно исполняли заказы.

— Ну и как, помогает? — поинтересовался я.

— Не очень, — мрачно признался инженер. — Но встречают с распростертыми объятиями.

— Лучше оштрафовали бы их, чем подарки дарить.

— Оштрафовать можно, — так же печально согласился литовец. — Да что толку?

— Деньги возьмете, убытки возместите.

— Полпроцента от стоимости непоставленной продукции — вот все, что мы можем получить. А это не деньги! Любой здешний снабженец с удовольствием отдаст мне эти два рубля, лишь бы я отстал. Но из-за отсутствия маленьких деталей у нас на миллион продукции лежит. Нет уж, лучше действовать по-хорошему.

Мой спутник осторожно раскрыл чемоданчик, проверяя целостность своих подношений — недорогих, но милых безделушек. На его лице была написана робкая надежда на успех дела.

Возможно, если бы невинномысцы своевременно подарили болоховскому директору памятный кубок или палехскую шкатулку, то деструкторы давно уже были бы отгружены, а цех себазиновой кислоты дважды окупил себя. Допускаю, что руководитель Баглейского завода коммунистического труда совершил крупный просчет, отправив своему магнитогорскому коллеге пять телеграмм вместо одного вышиваного рушника. Взял бы он тот рушник, умилился, прослезился и наверняка не допустил бы срыва поставок минеральных удобрений для сельского хозяйства.

Да, но возьмет ли он тот рушник? И возьмут ли другие директора? А если возьмут, то сумеют ли швейники обеспечить тяжелую и легкую индустрию достаточным количеством этих оригинально расшитых полотенец? Ведь для этого нужны годы и годы, а упорядочить взаимные поставки следует уже сейчас.

Однако выход есть. Нужно сделать так, чтобы плата за разболтанность и безответственность была не символической, а вполне реальной, чтобы она полностью возмещала вынужденный ущерб потребителей. В новых условиях, когда всякая заминка с реализацией продукции будет ощущаться сказываться на зарплате всего коллектива, это особенно важно.

И тогда наверняка отпадет необходимость в снабзбытсувенирах и индустриальных рушниках.

Новостройке большой химии — Невинномысскому химкомбинату понадобились деструкторы для производства себазиновой кислоты.

Деструкторы — очень нужные машины. Себазиновая кислота — очень нужная кислота. Конечно, автор может дать и более развернутое определение, благо энциклопедия под рукой. Но это сейчас не имеет решительно никакого значения. Речь пойдет не столько о большой химии, сколько о большом хамстве.

Итак, рассмотрев заявку химкомбината, Совнархоз СССР передал заказ на изготовление деструкторов Болоховскому машиностроительному заводу.

Сказать, что болоховцы были довольны, значит не сказать ничего. Они были счастливы! Они получили ответственный заказ! Они вдруг вырвались в авангард, на столбовую дорогу, на багратионовские флешы всеобщей химизации!

Период первых контактов болоховцев и невинномысцев был светел и чист, как медовый месяц.

— Мы вам — отличные деструкторы, — тепло заверяли машиностроители.

— А мы вам — сорок тысяч рублей, — ворковали химики.

— Ах, разве в деньгах счастье? Ведь мы всей душой!..

— Вот именно: плечом к плечу!

— Сплотив коллективы!

— Вскрыв резервы!

— Делаем общее дело!

— Для общего блага!

Все шло хорошо.

Через полгода, в точно установленный срок, на химкомбинат прибыла депеша. Но это было не приглашение любимому получателю, а сухой, как заявление о разводе, отказ: «Требуемые деструкторы Болоховский машзавод может изготовить лишь в следующем, 1963 году».

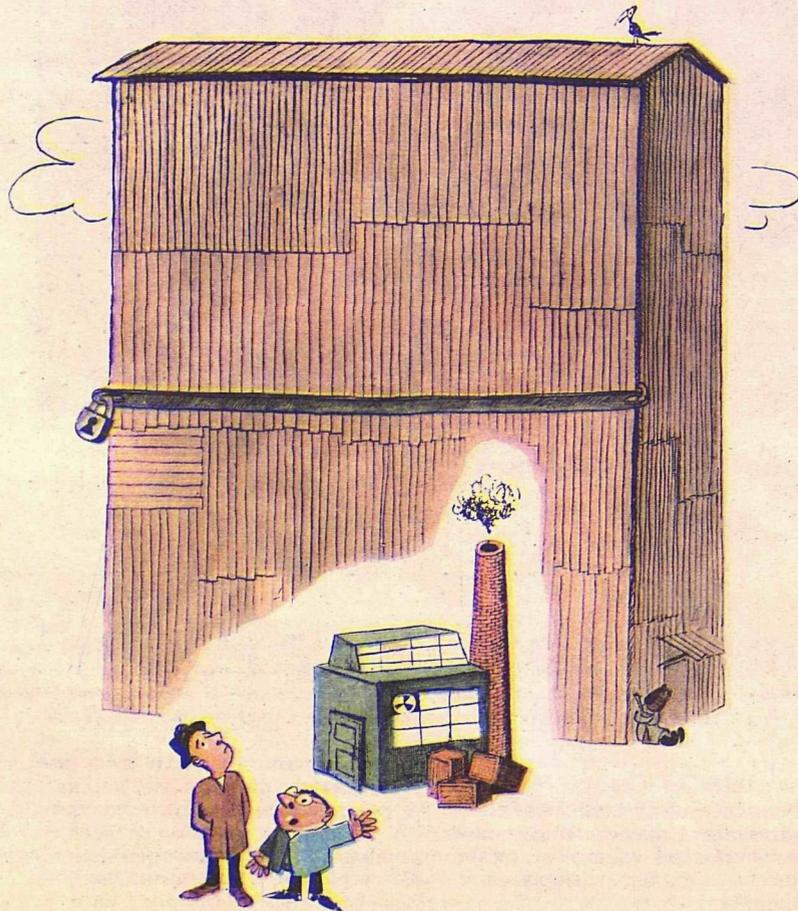
Медовый месяц кончился. Началась суровая снабженческая тяжба двух предприятий, с ужасными обвинениями, взаимным хватанием за грудки и коленопреклоненной апелляцией к высшим инстанциям.

И длилась она более трех лет.

И были в нее втянуты с десятком главков, госкомитетов и совнархозов. Они уговаривали, совестили, категорически приказывали и зывали друг к другу о помощи.

Но машзавод оставался непреклонным. Куда только девалась былая любовь! Болоховские охранники не подпускали невинномысских толкачей на берданочный выстрел.

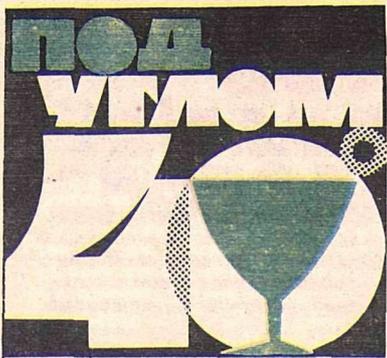
Шли годы, и директору завода тов. Бурко надоело возиться со злополуч-

— Это наша фабрика, а там запасы на всякий случай!

Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

В. НАДЕИН

«Объясняюсь в том, что мною был совершен прогул 11 числа сентября месяца. В связи с моим халатным отношением к самому себе, я находился в нетрезвом состоянии».

(Из объяснительной слесаря 15-го таксопарка В. Потапова).
Копию снял Ю. МЕН.

г. Москва.

«Справка

Дана Хитрухину Н. И. в том, что его посетила «Скорая помощь». Диагноз: опьянение второй степени. Нуждается в освобождении по уходу за ребенком. Дежурный фельдшер «Скорой помощи».

Прислал В. ТРЕГУБ.

пос. Бородино,
Красноярского края.

«Сначала они заняли столик и все было тихо-мирно, а потом началась драка не пять персон».

(Из показаний официанта).
Прислали Л. МАКАРЕВИЧ
и М. ШМУЛЕВСКИЙ.

г. Иркутск.

«Когда я понюхал бутылку, то вместо воды очутился спирт».

(Из объяснительной).
Прислал А. МУСАЕВ.

г. Волгоград.

«Тов. Тербков также привел несколько примеров нарушений трудовой дисциплины и техники личной безопасности, будучи под хмельком».

(Из протокола заседания местного).

Выписал В. СМЕРНОВ.

г. Воркута.

«Объяснительная

27 мая 1965 года представитель, прибывший по делам на базу, похвалился новинкой ликером «Хризантема».

Все выразили желание познакомиться с вкусовыми качествами новинки, что и было сделано при участии пяти человек.

Подчеркиваю, что излишества в употреблении спиртного не было, а следовательно, разговор о пьянке — это самая настоящая ложная провокация».

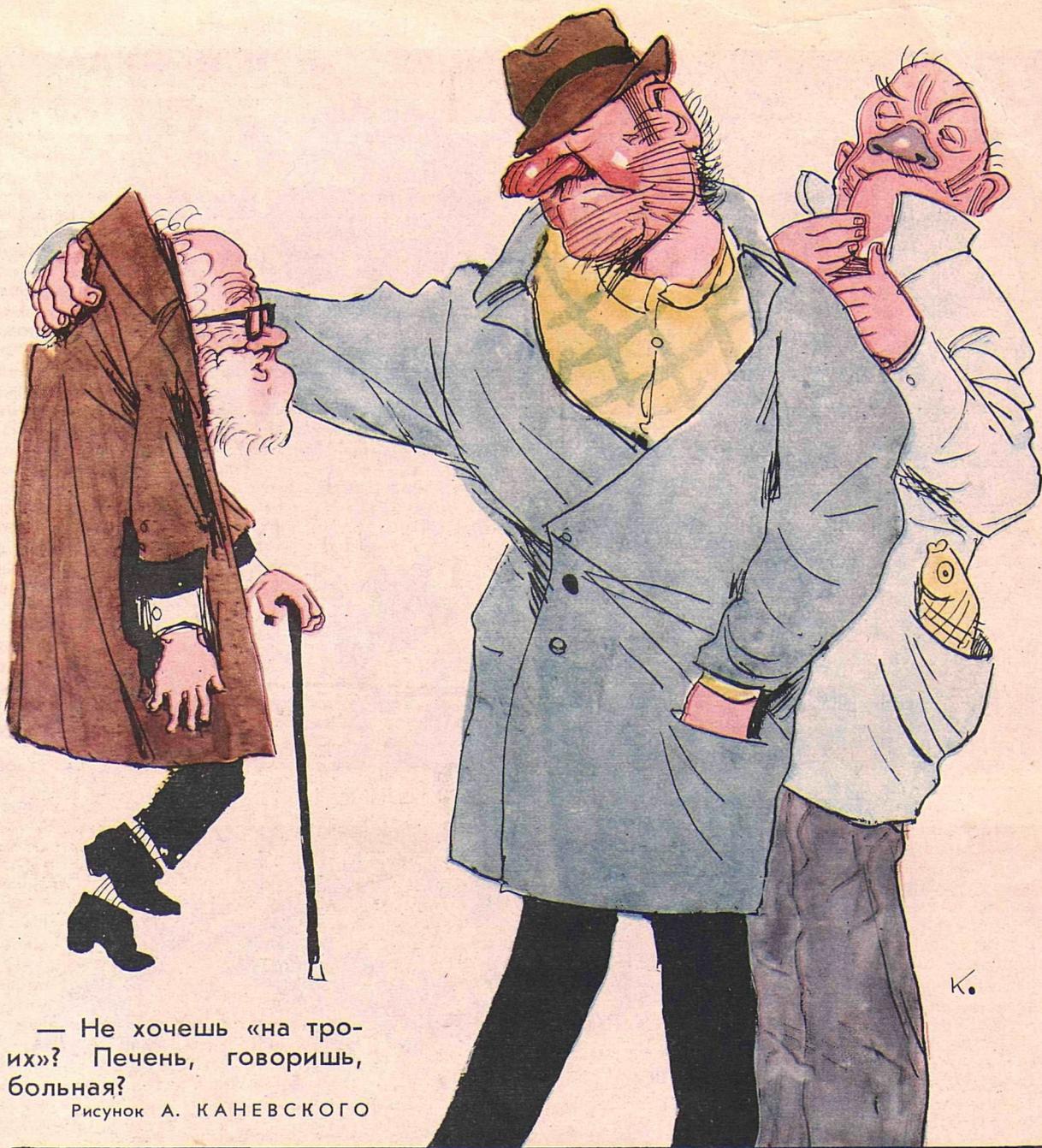
Копию сняла Н. КОЛЮПАНОВА.

г. Магадан.

«Считать нецелесообразным дальнейшее пребывание тов. Ковтуна П. Г. в должности гл. агронома. Учитывая неактивность, пьянку в рабочее время и неумение организовать людей на выполнение заданий, снять т. Ковтуна П. Г. с должности главного агронома. Чтобы не портить ему дальнейшую жизнь и дать возможность лучше трудоустроиться на другой работе, выдать т. Ковтуну справку в том, что он якобы освобожден по собственному желанию».

(Из протокола заседания правления колхоза имени Ленина, Красногвардейского района, Крымской обл.).

Прислал Г. БУТ.

— Не хочешь «на троих»? Печень, говоришь, больная?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

— Скажите, Иван Шмырик, что вас побуждает почти каждый день пить водку?

— Товарищи! Дорогие! Да это же клевета! Что ж я, по-вашему, пьяница? Алкоголик? Скажу по-честному — пью. Извините, не пью, а время от времени выпиваю по сто граммов. По праздникам. В исключительных случаях. А кто, скажите, при таких обстоятельствах не выпивает? Не выпивает тот, кому здоровье не позволяет. Мне лично позволяет. Так что я, по правде говоря...

— Иван Шмырик! Расскажите о своем хулиганском поступке на дворе тракториста Петра Сивченкова.

— Что ж, можно и рассказать. Как известно, моя теща живет во второй бригаде. На Выселках. Там живет и ваши упомянутый тракторист Петро Сивченков. Сосед моей тещи. Значится, так было дело. Пошел я к теще на блины. Э, нет, ошибся. Блинов не было. Была колбаса, сало...

— Шмырик, говорите по существу!

— Что ж, можно и по существу. Существо стояло на столе в виде двух бутылок. А я — один, не считая тещи. Ну, так вот. Как я уже говорил, ни с того ни с сего пить не люблю. А кто откажется взять стаканчик из ласковой руки тещи, особенно когда та теща живет не в одной квартире с тобой, а за пять километров доброго ходу? Выпил, понятно. Сто граммов, не больше. Затем теща налила еще. «Ты, — говорит, — Иванушка, выпил за мое здоровье, а теперь выпей за свое». Кто же за свое здоровье не выпьет? Выпил...

— Шмырик, не тяните, говорите по-честному!

Михась ПЕНКРАТ

СТО ГРАММОВ БЕДЫ

(Сценка в товарищеском суде)

— А я и не тяну. Через некоторое время собираюсь домой. Теща ко мне: «Выпей, Иванушка, и за здоровье своей женушки, дочки моей...» И вот эти последние сто граммов ввели меня в грех. Иду по улице, у ворот того самого Петра Сивченкова. Под забором сидит его пес. Я не обращаю внимания. Иду себе потихоньку. А он, волчье мясо, ни слова не говоря, подкрадывается с тыла и травмирует мои новые штаны, не считая ноги. Чем бы вы ответили на такой хулиганский поступок? Что, я первый его задевал? Я, понятно, сбалаansirовал на покусанной ноге, а здоровой ногой тыкнул хулигану в зубы. Тут выходит на улицу тот самый Петро Сивченков. «За что, — кричит, — скотину бьешь, охламон?» Что ж, по-вашему, мне прощения просить? «За то бью, что твоей скотине мои штаны по-

нравились». Ну, пускай бы все на этом и кончилось, так нужно же было тому Петру Сивченкову сказать: «Собаке не штаны понравились, ей пьяные не нравятся». Тут я сбалаansirовал на всех двух ногах и огрел Петра по удобному месту. А чтоб не было смещения челюсти, я для страховки трахнул еще раз, только с другой стороны...

— Значит, вы не отказываетесь, что побили тракториста Петра Сивченкова?

— Ясное дело! Я же говорю: два раза огрел. С одной и другой стороны. Только тут я не виноват. Виновата теща. Если бы не те сто граммов, что мне подсунула напоследок, так может быть, тогда никакая собака ко мне не пристала бы. И-и-ик!

— Шмырик, вы, кажется, и на товарищеский суд пришли в нетрезвом состоянии?

— Товарищи! Дорогие! Не встать мне с этого места — правда. Выпил! Сто граммов. Для смелости, как говорится. Чтобы не так стыдно перед товарищами.

— Как видите, обвиняемый чистосердечно признался во всем. Поэтому предлагается ограничить предупреждением. Чтoбы это было в последний раз! Ясно, товарищ Шмырик?

— Как же не ясно? Спасибо, дорогие товарищи! Вы правильно поняли неустойчивость моей души. Но с вашего разрешения я сто граммов все-таки пропущу... За благополучный исход дела, сами понимаете... Сто граммов, и ни капли больше! За ваше здоровье и доброту...

Перевод с белорусского.

А ПУТЬ И ДАЛЕК И ДОЛОГ...

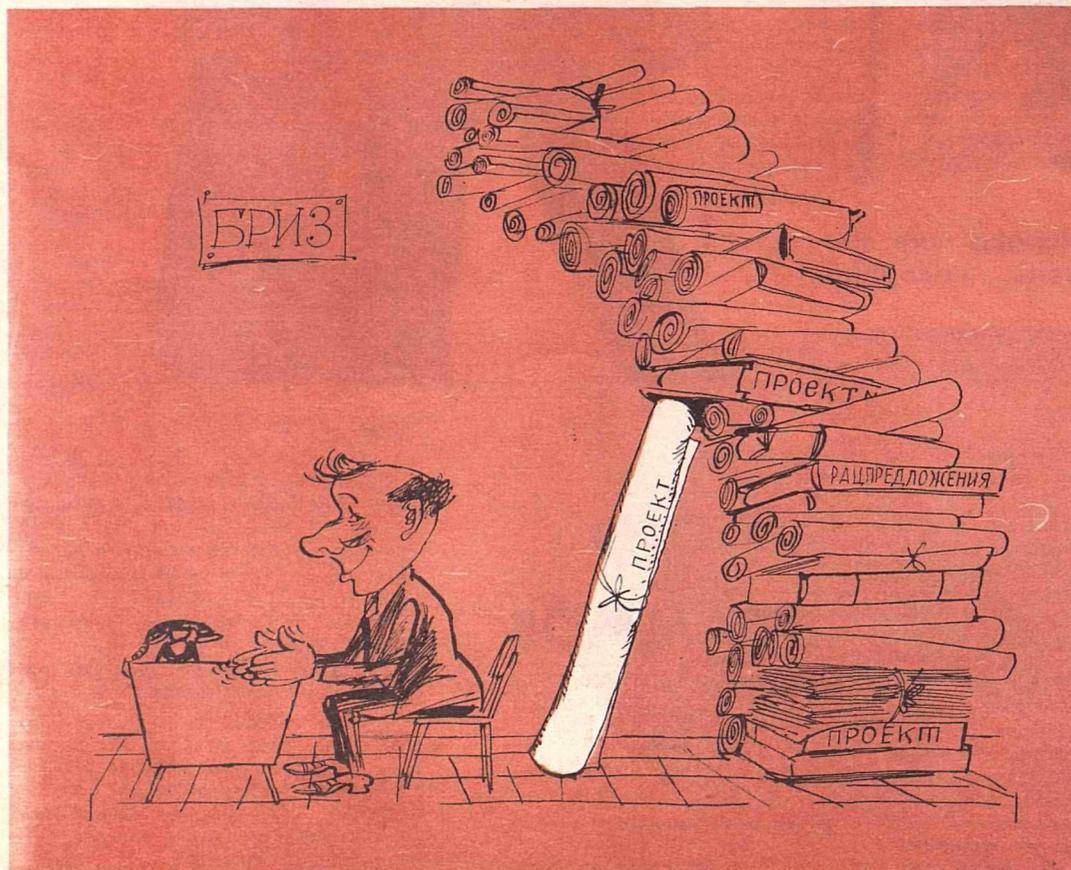
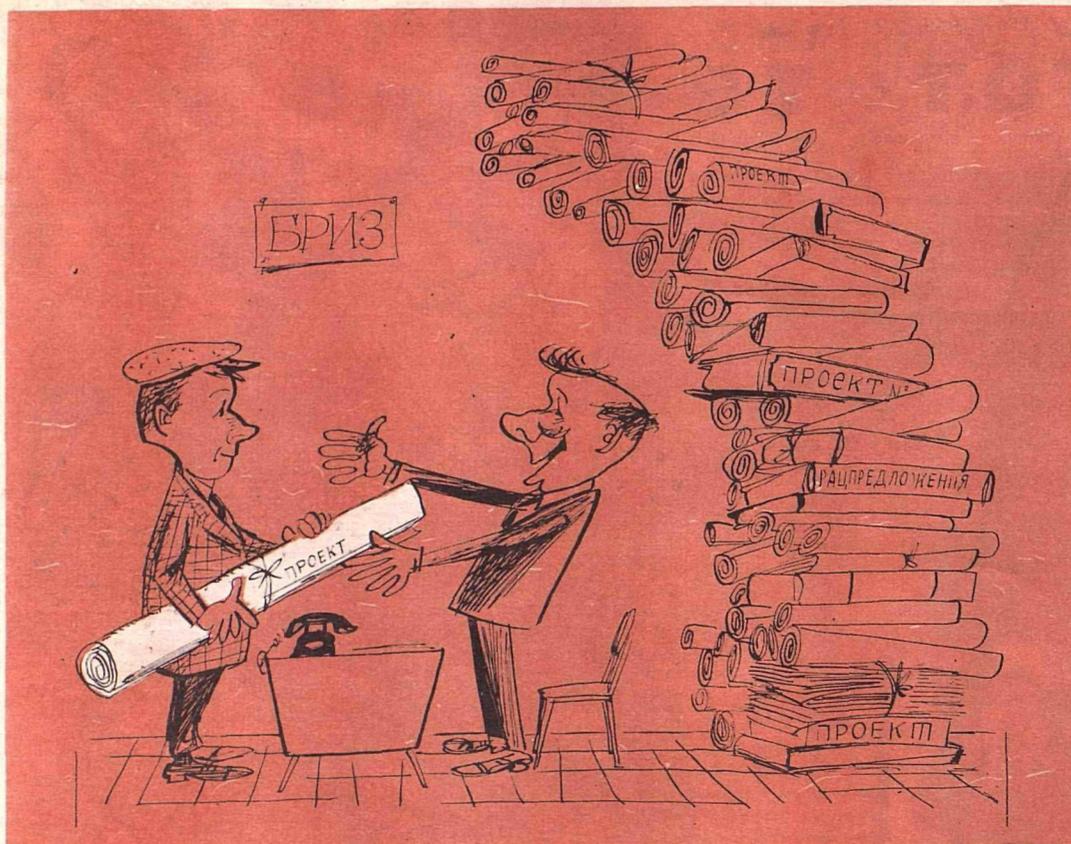

Рисунок Б. САВКОВА

В октябре прошлого года начальник Воркутинской комплексной геологоразведочной экспедиции Гранович вызвал старшего инженера Ефроймовича.

— Не хотите ли, товарищ Ефроймович, съездить на три месяца в Нарьян-Мар, на полевые работы?

— С удовольствием, — сказал Ефроймович. — Если надо, так я готов хоть в Копенгаген. Я романтик. Не люблю долго сидеть на одном месте.

Он взял зубную щетку, восемьсот двадцать четыре рубля командировочных, другие нужные мелочи и выехал.

Ехал он долго, с пересадками. Было трудно. Был снег, и ветер, и звезд ночной полет. Но, преодолевая трудности, добрался наконец Ефроймович до конечной цели.

Вышел он на вокзальную площадь и с удовольствием огляделся вокруг.

— Разросся городишко! — сказал он. — Просто не узнать. Машин-то сколько! А огней-то, огней! И дома какие высоченные понастроили... А это что еще там, никак метро? Метро! Поди ж ты!

Он поймал за рукав прохожего.

— Скажите, пожалуйста, когда же у вас метро построили?

— В тридцать пятом году, — с нетерпением освобождая рукав, ответил прохожий.

— Эй-эй! Не заливайте! — весело подмигнул Ефроймович. — Думаете, я приезжий, так со мной и шутить можно? В тридцать пятом метро только в Москве было, это я точно знаю.

Прохожий опасливо посмотрел на Ефроймовича.

— Ну так это же и есть Москва!

— Москва? — удивился Ефроймович. — А не Нарьян-Мар, нет?

— Вам что, делать нечего? — свирепая, спросил прохожий. — Нарьян-Мар — это надо повернуть за угол, а потом все прямо и прямо — примерно две тысячи верст. — И он нырнул в подземный переход.

— То-то я смотрю, климат какой-то не такой, — задумчиво сказал Ефроймович. — Сугробов еще нет, и вообще довольно тепло. Как же это я проглядел? Ну, раз нелегкая попутала, придется в Москве пожить. В конце концов здесь не хуже, чем в Нарьян-Маре. В Большой театр схожу, в панорамное кино. А там и Новый год подойдет — всего-то два месяца осталось. Может, на елку в Колонном зале удастся попасть. Мы, геологи, привыкли к трудностям...

В феврале 1965 года Ефроймович осторожно постучал в дверь Грановича.

— Приехали? — приятно удивился Гранович. — Ну, как там?

— Да ничего, неплохо. Идут дела.

— Ну и слава богу. Давайте командировочное, я подпишу.

На этом дело и кончилось.

Правда, через месяц дотошный комитет партгосконтроля раскопал эту историю. Незаконно оплаченные командировочные вычли из зарплаты Грановича и главного бухгалтера Бойкова. И зря. Таких прекраснородушных, гуманных руководителей надо ценить. А то ведь теперь, пожалуй, Гранович с Бойковым начнут проверять, где и как проводят время командированные. Отдохнуть людям не дадут!

С. СПАСКИЙ

МИМОХОДОМ

Лирическое отступление на заранее подготовленные позиции.

Мелкотравчатые корма.

Демьянова уха — яркий пример перехода количества в качество.

Кошкин дом на курьих ножках.

Писатель так стремился к лаконизму, что даже вместо «и» везде употреблял «и краткое».

— Ну и петрушка с этим укропом! — сокрушался зав. столовой.

— Улика едет, когда-то будет, — грустно сказал следователь.

Человек, висящий на волоске, хватается за соломинку.

А. НАУМОВ

Героем кинокартины был зритель, героически досмотревший ее до конца.

На даче кригика испортился флюгер, и пока его не починили, мыслитель не мог писать.

Пьеса заставляла думать: досмотреть ее или уйти после первого действия?

А. ЧИКАРЬКОВ

Смеханизация производства.

В клубе была хорошо налажена культурно-кассовая работа.

С. МАРКОВ

Виолончель сочным мужским голосом жалавалась на терзавшие ее женские руки.

А. НЕЧАЕВ

Отцы-правители американского штата Джорджия были очень довольны. Они с нетерпением ждали открытия сессии своего законодательного собрания. Первым на ней выступил сам губернатор.

— Господа,— сказал он,— чем мы прославились до сих пор? Линчевали десяток-другой негров? В каждом южном штате делают то же самое. Взорвали негритянскую церковь? Это так же обыденно, как сигара у меня во рту. Но то, что придумал директор школы Браун из города Рассела, просто великолепно! Он прославил нас на всю Америку. Не буду останавливаться на деталях. О них расскажет вам главный инспектор штата по делам народного образования.

— Нововведения в расселской школе,— начал свое выступление инспектор,— касаются прежде всего воспитательной работы. Молодчина директор проявил много выдумки и изобретательности. Например, какой-ни-

МАККАРТИЗМ ДЛЯ ДЕТЕЙ

будь мальчуган пустил бумажного голубя. Наказание для него не так уж сурово: его всего лишь привязывают к парте. Сперва на полчаса или на час. Мало часа — можно привязать и на два.

Но это далеко не все. Наш мистер Браун из Рассела — просто кладезь всяких нововведений по части воспитательной работы. Скажем, на уроке девочка заговорила с соседкой по парте или во время перемены ученик недостоин отозвался о прошедшем уроке. Знаете, какое наказание применит к обоим директор? Он заклеит обоим рты. Клейкой лентой.

Кроме того, директор Браун смонтировал и установил в школе целую систему подслушивания. Самую настоящую. Микрофоны — везде. В классах, в раздевалке, в школьном буфете и да-

же, простите меня... э... э... в школьном туалете...

Не улыбайтесь, господа! Ученик теперь пошел очень скрытный. Ему известно многое из деятельности ФБР. Поэтому самыми сокровенными мыслями он делится с товарищами именно в уборной. Тут-то он и попадается. Мгновение — и весь разговор на магнитофонной пленке господина директора.

Прошу отметить, господа, директор Браун делает все это без дополнительной оплаты. Я бы сказал, даже в ущерб себе. Вы подумайте только, как много у него работы вечерами! Магнитофонные ленты надо прослушать? Кто сказал, что сказал и, главное, как сказал? И все это надо разнести по картотекам. А знаете, как трудно иной раз разобрать, что там сюсюкают уче-

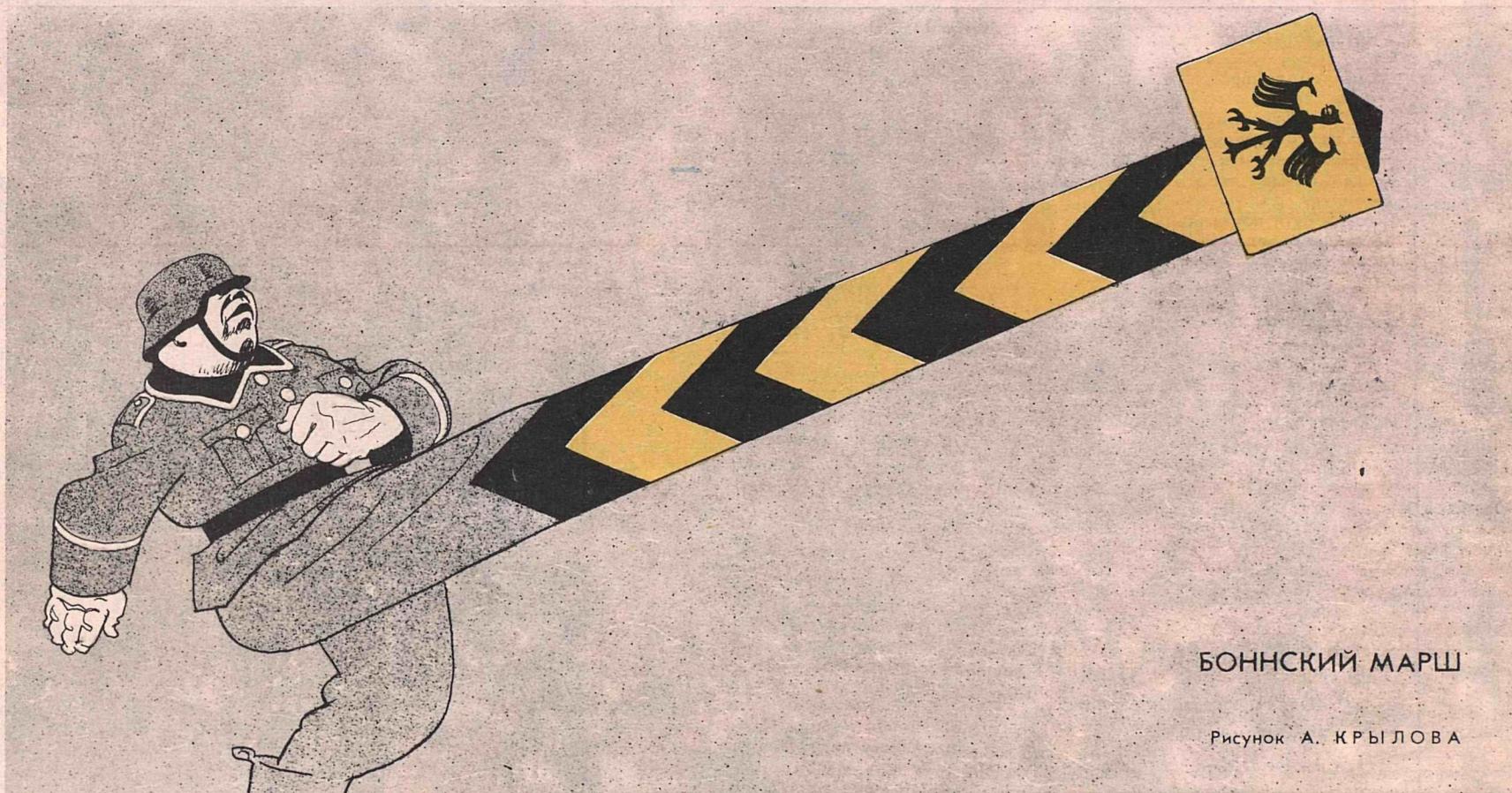
ники, особенно из младших классов?..

Короче говоря, я думаю, что опыт директора расселской школы понаравится всем. Его надо одобрить и повсюду распространить. Что же касается самого Брауна, в его честь следует отлить специальную медаль. Или какой-нибудь орден...

Может быть, и не все было именно так, как мы рассказали. Но что директор школы в Расселе из округа Кобб, штат Джорджия, наказывает детей, привязывая их к партам и заклеивая им рты клейкой лентой, что он установил микрофоны подслушивания даже в школьной уборной, столь же неоспоримо, как проникновение маккартизма во все поры американской жизни.

Если так пойдет дальше, скоро микрофоны появятся в сосках, погремушках, в слюнявчиках...

Ю. А.

БОННСКИЙ МАРШ

Рисунок А. КРЫЛОВА

Пьер ДАНИНО

Анкета Белого дома

Мне позвонили из США насчет текста для мультипликационного фильма о странах Атлантического блока. Это был официальный правительственный заказ, и, согласившись его выполнить, я должен был заполнить анкету. Мне следовало указать, работал ли я когда-нибудь под другими фамилиями, когда родился, каково мое трудовое настоящее и прошлое, где я жил последние десять лет. Я должен был сообщить основные данные о своей внешности, цвете лица и измерениях (рост, объем талии и груди), где учился, перечислить имена трех ответственных лиц (не связанных со мной кровными родственными отношениями, не являющихся также родственниками моей жены и способных дать положительную информацию о моем характере и о моих способностях). В заключение я должен был также сообщить, имел ли я когда-нибудь намерение свергнуть «насильственно или революционным путем» правительство Соединенных Штатов Америки.

Поскольку я добропорядочный француз и гражданин Атлантического союза, я ответил на все вопросы. Через восемь дней я получил вторую

анкету, в которой частично были повторены те же вопросы, что и в первой. «Это сделано,— любезно разъяснила сопроводительная записка,— чтобы проверить, дадите ли вы одинаковые ответы после восьмидневного интервала»(!).

Я заполнил и вторую анкету. А потом, придя к выводу, что нет никаких причин, почему человек не может задать Соединенным Штатам вопросы, которые Соединенные Штаты задают человеку, я написал президенту США и руководству его канцелярии:

«Господин Президент, Господа,

Я весьма польщен той честью, которую вы мне оказали, пожелав прибегнуть к моим услугам. Я с удовольствием принимаю ваше предложение. Однако, поскольку я имею лишь весьма туманное представление о Соединенных Штатах Америки, я бы желал, прежде чем наши отношения получат дальнейшее развитие, поступить с вами так же, как вы поступили со мной. Иными словами, я бы хотел, чтобы вы заполнили аналогичную анкету. Прошу вас поэтому не отказать в любезности заполнить от лица США прилагаемый вопросник, который, за небольшими исключениями, является точным воспроизведением той анкеты, которую вы направили для заполнения мне.

Пункт 1. Год вашего рождения.

Пункт 2. Каково ваше положение в настоящее время? (Долгота, широта, доходы.)

Пункт 3. Что вы делали до открытия Америки?

(Перечень мест жительства до и после 1492 года. Точное указание, чем занимались.)

Пункт 4. Ваши внешние данные? Наиболее характерные черты?

Пункт 5. Ваши связи с заграницей?

Пункт 6. Имеете ли вы какое-нибудь образование?

Пункт 7. Рекомендации: назовите три великие и ответственные державы, которые, не будучи связаны с вами ни кровно, ни договорами, могли бы дать о вас как о стране необходимые положительные сведения.

Пункт 8. Страдаете ли вы какими-нибудь тяжкими недугами: а) политическими, б) психическими, в) эпидемическими?

Пункт 9. Могу ли я быть уверенным, что в течение последних двенадцати месяцев никто из вас не предавался запою? Отвечайте: ДА или НЕТ.

Не удивляйтесь, если через восемь дней вы получите от меня анкету, частично совпадающую с данной. Как вам хорошо известно, это делается в порядке дополнительной проверки...

Примите уверения...

Некоторые из моих современников, возможно, обвинят меня в том, что я американофоб или даже русофил. Я могу их заверить, что я не пытаюсь узнать о США ни на сотую процента больше, чем они пытались выяснить обо мне.

Сокращенный перевод с французского А. БАРАНОВОЙ.

Литературные пародии

Палки в колесах

Когда придет твоя пора, Наталья,
Любить
И глуби сути постигать,
Быть может, я уже на месяц
талый
Зеленой стрелкой буду
прорастать...

Мы, будто бы завернуты
в горчишники,
Своих седин
Метели торопили.

Раскатывает ветер дымов клубы
И крошит их, как тесто на лапшу...

(Из книги стихов Сергея
Поликарпова «Солнце
в колесах».)

Мне любо-мило,
Нет,

мне мило-любо
Лепить строку...
И вот пишу-спешу:
«Раскатывает ветер дымов клубы
И крошит их, как тесто на лапшу».
«Когда придет твоя пора, Наталья,
Любить
И глуби сути постигать»,—
За вышеприведенные детали
Меня бы

не мешало
постегать.
Я создан, чтоб греметь медноголосе
И выдавать
бессмертную строку!..

Но солнце
Ставит палки мне в колеса,
И мой Пегас
буксует
на скаку...

Было дело

...Буду чувствовать спиной,
как с Прокофьевым купался
я в купели ледяной.

А мы разделись, извините,
догола.

...Ты на Ладоге смолился,
я дублен у Иртыша!

... — Режь,
Серержна, бога нету!

— Режу, Саня,
как ножом!..

Гондольер поет страданье...

... — Нет, нет! —
завела было снова консержка...
(«За граница»,
Сергей Васильев.)

Я стремился за границу
В достопамятные дни,
Но меня, как говорится,
Дальше Кунцева —
ни-ни!

Да нашел другие тропы
Мой братеник-громобой.
И нагрянули

в Европу
Он да я — само собой.
Два атлета,
Два поэта —
Обнажаемс вдвоем
И свираем с парапета
В европейский водоем.
Хлещут волны, как из пушки.
Крепнет дружба, што броня!
Гондольер

поет частушки
И цитирует меня.

Но скучнее протокола
Стал братеник дорогой:
— Тут

сплошная кока-кола
Да погоня за деньгой!
Эти жизненные пятна
Так и лезут в потроха.
Не махнуть ли,
брат,

обратно,
Чтоб подальше от греха?!
— Двигай, Саня!..
— Двигай, Сержик!..
Развернулись — от и до! —
Умыкнули

двух консержек
У Полины Виардо.
И в шикарном первом классе,
Соблюдая свой престиж,
Укатили восвосяи
На Неву и на Иртыш!

Ни пуха, ни пера

Убегаю от любви,
Пожалей, не лови.

Нам на встречи в это лето
До смешного не везло.

Мои соболи твоих соловьев
Переловят.

Пойми, что мне привычнее
И проще без тебя.

(Светлана Кузнецова,
из книги «Соболи».)

Ты мое земное лихо,
Нечто вроде соловья.
Я чалдонка-соболиха
И симпатия твоя.
Не зевали —

пировали,
Распотешили народ.
А на данном перевале
Все как есть наоборот:
Не считай меня заблудшей
И не лей

заяря елей,—
Без тебя мне как-то лучше,
Без меня

тебе светлей.
Ох вы, нежности соболю,
Соловьиная хандра!..
И в итоге

от любви
Нет ни пуха, ни пера.

В. ПОДОЛЬСКИЙ

Я НАПИСАЛ ПЬЕСУ

Я написал пьесу и отнес ее в театр. Главный режиссер облобызал меня и сказал:

— Это то, что нам нужно.

Публика хорошо приняла пьесу. Друзья поздравили меня, даже жена и та поверила в мое дарование. И все-таки я волновался: а что скажет театральная критика?

Спустя две недели первым выступил рецензент газеты «Вперед». В рецензии, озаглавленной «Великолепный спектакль», воспевалась слаженность ансамбля во главе с главным

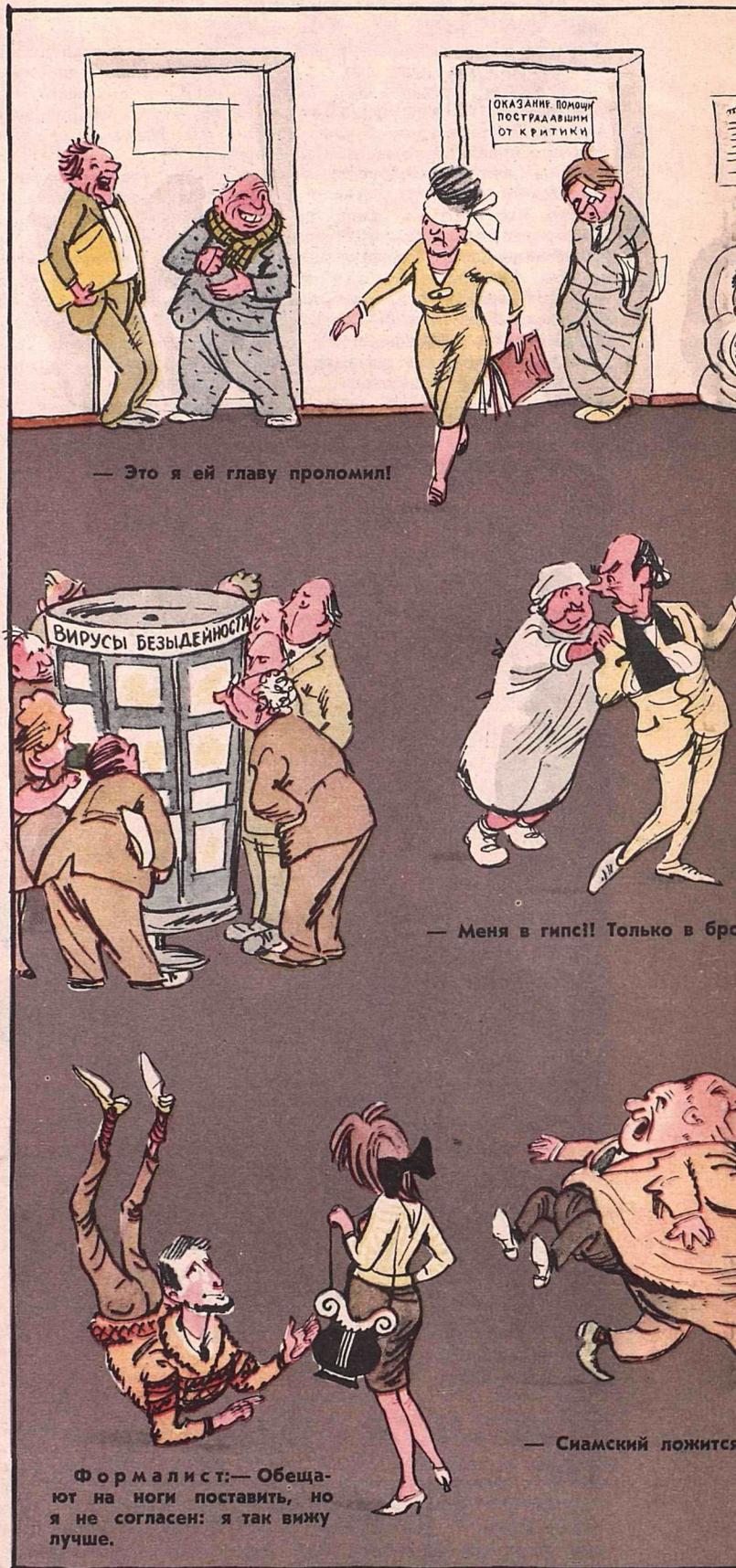
режиссером. Подчеркивалась талантливость актеров и самоотверженность осветителя, который, несмотря на поздний час (спектакль закончился в 23 часа 15 минут), освещал всю сцену.

Отмечались также хладнокровие контролеров, мужество администратора и всеобъемлющее руководство директора театра, сумевшего правильно использовать хозяйственные, творческие и финансовые силы зрелищного учреждения.

Я был горд за каждого в отдельно-

сти и за всех вместе работавшего и физического, и хваленных в рецензии. Хотя, конечно, было немного досадно, что пьесе и ее авторе рецензент не оценил благородства, и великодушия рецензент не оценил, когда спустя несколько дней в газете «Подъем» появилась рецензия, в которой было сказано, что пьеса была читана, только в театре, а рецензент снял шляпу.

«Мы ушли вдохновленные, одухотворенные, — рецензент. — Это была песнь. Пьеса была написана в какой-то степени причастности к событию. Увы! Я был еще зелен, не оценил благородства, и великодушия рецензент не оценил, когда спустя несколько дней в газете «Подъем» появилась рецензия, в которой было сказано, что пьеса была читана, только в театре, а рецензент снял шляпу.

— Это я ей главу проломил!

— Меня в гипс! Только в бр...

— Сиамский ложится

Формалист: — Обещают на ноги поставить, но я не согласен: я так вижу лучше.

тников умст-
труда, рас-
отя, призна-
но: о самой
нт не сказал
т, что я тоже
стен к этому
неопытен и
гуманности
а. Я это по-
ько дней чи-
цензия назы-
е. Ее можно
благоговейно
ные, озарен-
дисал рецен-
Песнь о жиз-

ни! Песнь о труде! Песнь о любви! Песнь о благородстве!»
На этот раз не был забыт и автор пьесы. Правда, о нем было сказано не прямо, а косвенно, в связи с похвалой в адрес главного режиссера. Как указывалось в газете, «преодолев беспомощность драматургического материала, главный режиссер сумел создать выдающийся, яркий и самобытный спектакль».
«Драматургический материал» — вот как, оказывается, называется пьеса в трех действиях с прологом и эпилогом. К тому же не просто материал, а «беспомощный». Угрызения совести охватили меня. Хотелось немедленно бежать к главному режиссеру, упасть перед ним на колени. Какое

счастье, что он «преодолеет!» А если бы нет? Пока я мучился этими сомнениями, пришла вечерняя газета с третьей рецензией. Это была не рецензия, а крик восторженной души. Казалось, все хвалебные эпитеты слетелись на боевой смотр. Торжественный амфибрахий выглядел бы презренной прозой рядом с огнедышащими строками этой рецензии. Восклицательных знаков, отпущенных на героическую поэму среднего размера, не хватило бы и на половину этой статьи. Особенно тепло писал рецензент об актерах. Мне запомнились такие строки: «Образ Иванова, которого автор лишил каких-либо индивидуальных черт, сверкал, как драгоценный алмаз! Он был великолепен, ароматен, напоен жизнью,

которую вдохнул в него артист Петров!»
О героине писали еще трогательнее: «Вот идет она, хрупкая, прозрачная, точно воздух, нежная, как лепестки роз, сильная, как мастер спорта! Глядишь и чувствуешь: да, это наша девушка, хорошая общественница и отличный товарищ!.. Сколько души и таланта вложила актриса в эту роль, так скупно выписанную автором!»
После сотого спектакля главного режиссера и четырех исполнителей премировали месячным окладом. Директору дали новую квартиру. С администратора сняли судимость. Художнику предоставили творческую командировку. Контролерам подарили библиотеку издательства «Искусст-

во». Уборщица получила от завхоза новый веник и капроновую тряпку. Осветителю прибавили зарплату.
А как с автором пьесы?
Для него это время тоже не прошло даром. Он вырос, возмужал и, изучив ряд рецензий, опубликованных в периодической печати, твердо усвоил следующее: к успеху спектакля автор (и его пьеса) прямого отношения не имеет. Автору достаточно принести в театр драматургический материал (можно неполноценный, годится и беспомощный). Остальное автора не касается.
Режиссер смело «преодолеет», актеры «вдохнут», и спектакль-шедевр будет готов.
г. Николаев.

В студии Однотрубного телецентра, которая была постоянным «штабом сатириков», собрались четверо: карикатурист Орликов, поэт Вилли Сапрыкин, редактор-диктор Боярский и Костя Ромашкин.

Ромашкин подошел к окну и вдруг всплеснул руками.

— Орликов! Иди сюда, смотри в окно. Видишь, кто подбегает к «Гастроному»?

— Актиния.

— Ты, кажется, хотел отвести ее за руку к прокурору. Помнишь, что я на это ответил?

— Ты сказал: «Она сама пойдет».

— Вот сейчас, дорогой друг, это и состоится. Очень удобный момент.

Боярский перестал дымить трубкой и внимательно прислушивался к разговору. Вилли все еще что-то шептал. Орликов смотрел на Костю с настороженным выжиданием.

Ромашкин полистал справочник — маленькую, как блокнотик, книжечку «Телефоны Однотрубного», потом набрал номер.

— Это «Гастроном»? Из милиции говорят. Здравствуйте, — произнес он очень густым и важным басом. — Майор Елизаров, ОБХСС. С кем разговариваю?

— За-за-за-меститель директора Буханкина, — ответила трубка. — А ч-ч-что?

— Вот что. У вас в магазине...

— По-по-полный порядок...

— Знаю, что порядок. Я не о том. У вас сейчас в магазине находится гражданка Требухова Актиния Никаноровна. Срочно позвоните ей к аппарату. Объясните по залу.

Через минуту в трубке проскрипел испуганный голос Актинии:

— Слушает Требухова. У телефона.

— Гражданка Требухова? Актиния Никаноровна? — сурово переспросил Ромашкин. — С вами говорит майор Елизаров из гормилиции. Срочно зайдите к нам, моя комната номер семь, второй этаж.

— Зачем же мне в милицию? — еле выговорила Актиния. — Паспорт не потеряла.

— Хуже.

— С дочкой что случилось?

— Нет, с дочкой ничего не произошло. Я приглашаю вас по поводу темных делишек, — с многозначительной расстановкой сказал Ромашкин, — по поводу делишек, связанных с Петровичем, Типчаком и Михаевым. Вам же известно, что я имею в виду...

Актиния откашлялась, робко спросила:

— А как же вы меня нашли? Откуда вы знаете, что я в магазине?

— Учтите, милиция все знает. Ей известен каждый ваш шаг.

Трубка долго молчала.

— Каждый шаг. Понятно?

— Понятно. Только Петровича-то я совсем мало знаю. Что я скажу о нем? Ишь, беда какая! Может, вы ошиблись?

— Милиция, гражданка Требухова, не ошибается. А если вы будете упорствовать, то я вам могу сказать, откуда у вас мука, мясо, дровишки, как торговлю пирожками ведете на станции, куда вы на грузовике ездите, который вам Типчак дал... Ну, хватит? Ошибки нет? Если придете к нам и чистосердечно все расскажете, это смягчит вашу судьбу. И еще подумайте о дочери. С ней ничего не случилось, но случиться может.

— Господи! — вскрикнула Актиния. — А когда приходите-то к вам? Я тут с покупками, вот домой зайду. А может, завтра?

— Не хитрите. Знаю, зачем вам завтра нужно. Но примите во внимание: завтра вам будет хуже. Я сегодня вечером уезжаю в командировку, буду в милиции еще полчаса. Если меня не застанете, то делом займутся мои помощники. Они люди новые, могут действительно ошибиться... Итак, я вас жду. Сами придете, или за вами «раковую шейку» пришлют?

— Сама, сама, сама, — пролопотала Актиния. — Что же мне с позором по городу ехать!

— Еще раз повторяю. Майор Елизаров, комната номер семь, — четко сказал Ромашкин.

Положив трубку на рычаг, Ромашкин расчехлил кинокамеру и прицелился на выход из «Гастронома».

— Внимание, товарищи! Снимаю редкий кадр: «Актиния идет сдаваться в плен местным властям. Начало конца Аппендиксова тупика».

Актиния вылетела из магазина и помчалась по улице.

А в милиции произошло вот что.

...Найдя комнату номер семь во втором этаже гормилиции, Актиния открыла дверь и увидела молодого мужчину в синем мундире.

— Здравствуйте. Мне майора Елизарова.

— Я майор Елизаров. Здравствуйте, — произнес мужчина тонким, почти ребячьим голосом.

— Я...

— Садитесь, — предложил майор.

Борис ЕГОРОВ

К о н е ц Аппендиксова тупика

Костя Ромашкин, веселый человек, любитель поучительных розыгрышей, был героем сатирической повести Бориса Егорова «Сюрприз в рыжем портфеле».

И вот Ромашкин на строительстве рудника в городе Однотрубном. Новая повесть с его участием называется «Пирамида Хеопса». Действие ее начинается с того, что Костя снял угол в Аппендиксовом тупике у тунейки Актинии.

В «Пирамиде Хеопса» показано, как Ромашкин и его друзья из комсомольского штаба борются с мещанами, расхитителями народного добра, с очковитателями, понлонниками парадности. Повесть намечена к опубликованию в журнале «Октябрь».

Мы печатаем отрывок из «Пирамиды Хеопса».

— Я Требухова, Актиния Никаноровна. Так что я могу сказать про все эти, как вы выразились, темные делишки? Были они, конечно, грех попутал. Но я, как честный советский человек...

Майор молчал, изучающе глядя на неожиданную гостью. Он не понимал, что происходит.

Актиния говорила, опустив голову, нервно теребя дрожащей рукой кончики платка.

— Как честный советский человек, я расскажу все, — продолжала Актиния. — Только сразу учтите, дочь моя Настенька тут ни при чем. Она ничего не знала.

— Не знала, говорите? — спросил майор, доставая из стола стопку бумаги. — Ну, давайте, только по порядку. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения... Точный адрес... род занятий... Я буду записывать все, что вы говорите, потом вам прочту, а вы распишетесь на каждой страничке внизу. И предупредю, что за ложные показания...

— Ложных не будет, — преданно заверила Актиния. — Значит, так: Настенька ничего не знала. Что Петрович мясо или рыбу с холодильника мне приносил — верно. Но такой, скажу я вам, жмот и скупердай, — все цену набивал. Так и я заработать что-то на этом должна...

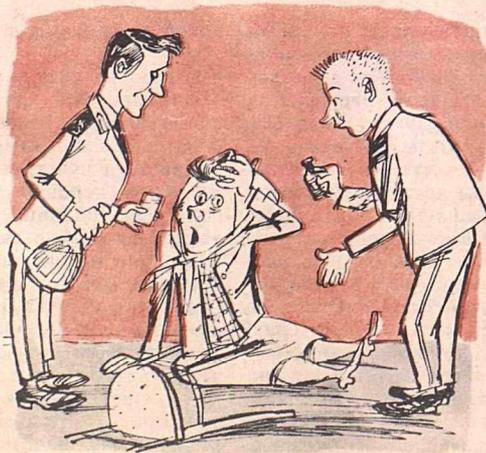
— Как заработать?

— Ну, так. Вы ведь сами все знаете...

— Да, да. Знаю, — неопределенно сказал майор Елизаров. — Рассказывайте дальше.

— И Михаев, который из пекарни, скажу я вам, как честный советский человек, тоже жулик. Каждый день что-нибудь тащит с работы. Жена ему сшила такую тужурку, что в карманы по три кило муки входит. И тоже скареда!

— И он цену набивает?

— Набивает. Типчак, тот добрее. Дров привезет с левой поездки — берет самую малость. Ну, толя на крышу тоже привез. А что вы говорили про грузовик — брала грузовик. Типчак дал. Мясо продавать в райцентр возила.

— Мясо, которое Петрович с холодильника притащил? — уточнил майор милиции, уже входя в роль. Но удивление все еще было написано на его лице, ибо он до сих пор не знал случая, чтобы преступник вот так просто пришел и сам начал выкладывать.

— А за машину Типчака деньги брал?

— Брал, конечно. Машина была из его гаража.

— Как из «его»? Из государственного?

— Ну да, в общем, из государственного.

— Следовательно, вы спекулировали краденными продуктами...

— Торговала, — уклончиво сказала Актиния, — а этого слова, которое я сейчас от вас услышала... как оно называется?

— Спекуляция...

— Нет, я, как честный советский человек, этого слова даже не знаю.

— А зачем вам нужна была мука, которую Михаев приносил?

— Мука? Пирожки пекла. Настя их на станции продавала. Пассажиры ведь голодные. Им и пирожок в радость.

— Вот так вы и жили на этой радости?

— Ага, — просветленно сказала Актиния, — для людей ведь все.

— Понятно. Тогда подпишите-ка вот тут. И опять предупреждаю: за ложные показания...

— Не было их, ложных, — подтвердила Актиния. — Все как есть подпишу. Только домой скорее отпустите.

— Домой? Это не быстро.

— Еще будете спрашивать?

— Не только я. Следователи будут спрашивать, судья поинтересуется, прокурор.

При слове «прокурор» Актиния несколько раз вздрогнула, но, видимо, решила взять себя в руки и спросила невинно-простецки:

— Значит, домой не скоро?

— Задержаться, наверное, придется, гражданка Требухова. Может, на год, может, и на три. Как суд решит.

— А я думала, на часок или до вечера в крайнем случае. А то и молоко, которое купила, скиснет.

— Молоко пейте сразу, — твердо сказал майор Елизаров. — А то оно действительно скиснет. И прошу вас, Требухова, не прикидывайтесь. Вы отлично знаете, чем все это пахнет...

Актиния знала и поэтому спросила:

— А не предвидится амнистия?

Ответ ее разочаровал. Майор убедительно разъяснил, что времена необдуманных амнистий уголовникам прошли.

— У вас ко мне есть еще вопросы, гражданка Требухова?

— Какие же вопросы? Вы меня вызывали, вы и спрашиваете.

И тут Актиния услышала слова, от которых немедленно свалилась со стула.

Майор сказал:

— А знаете, Требухова, я ведь вас не вызывал...

Актинию приводили в чувство холодной водой и нашатырным спиртом. Открыв глаза, она пробормотала:

— Значит, не звали меня? Раз не звали, зачем слушали? А кто тогда звал? Голос-то вроде другой был, а я, дура, все рассказала.

В это время «раковая шейка» милиции — крытая синяя автомашина с красной полоской — промчалась под «кирпичом», запрещающим въезд в Аппендиксов тупик, и остановилась около дома Петровича. Петрович безмятежно спал на кровати в сапогах и телогрейке. Видно, как пришел с холодильника, так и прилег.

Кроме Петровича, пассажирами «раковой шейки» в этот вечер оказались Михаев и Настенька. Типчак встречи с людьми в синих мундирах избежал. Он зашел поболтать к соседу и увидел из окна, как милиция подъехала к дому Актинии. Прямо от соседа, никому ничего не сказав, тяжелым галопом он помчался на станцию. Сборов не потребовалось: «все мое ношу с собой». Дежурный по станции видел, как большой, широкоплечий парень в кепочке и вельветовой куртке прыгнул на подножку чуть прибавившего ход курьерского поезда...

Перекасти-поле Васька Типчак скрылся, оставив Настю, распростившись с мечтами о женитьбе. Куда помчал его курьерский поезд? До первой крупной станции? А дальше — под Киев, к маме? Нет, у мамы его быстро найдут, у мамы прописка нужна и прочие формальности. Очень возможно, что Типчак снова устремился долбить лунки где-то на Таймыре. «Двести граммов спирта в день и круглый год свежие помидоры. Житуха — исключительная!..»

Обида

Скажу честно: я, Пепик Когол, натура не утонченная. Никогда меня не интересовали лирические стихи, а кумирами моими были чемпионы по хоккею. Поэтому я и сам стал играть в хоккей.

Мой приятель Гоблоун тоже стал хоккеистом, только играл он в другой команде, так что мы часто встречались на хоккейном поле как соперники.

На хоккей у нас общие взгляды: кому хочется спорта без шишек и шрамов, пусть играет в пинг-понг, преферанс или кегли. А для хоккея нужны крепкие парни, не робкого десятка.

В состязаниях наших команд передо мной и Гоблоуном открылась великолепная возможность показать, что мы крепкая порода, не какие-нибудь размазни и неженки. Сначала я пихнул Гоблоуна так, что он перелетел через барьер и сбил с ног одного из зрителей. За это я был удален с поля на две минуты. Когда я вернулся в игру, удар клюшкой, который нанес мне Гоблоун, стоил мне брови и двух зубов. Судья удалил и его на две минуты.

Вскоре мы поломали друг о друга свои клюшки, за что нас оштрафовали на пять минут.

Вернувшись на поле, мы снова направились друг к другу: я раскровянил Гоблоуну подбородок, а он испробовал локтем крепость моего носового хряща. Судья констатировал взаимное нападение и снова удалил нас на пять минут.

Так проходили наши соревнования. Доктору Бухте бывало с нами немало хлопот и почти всякий раз приходилось выдавать нам бюллетень на несколько дней. Мы с Гоблоуном гордо прохаживались по поселку, выставляя напоказ свои почетные шрамы. Мальчишки глядели на нас с завистью и мечтали о том времени, когда вырастут и тоже станут спортсменами. А мы радовались, что молодежь видит в нас пример спортивного духа и, стало быть, можно не опасаться за будущее нашего хоккея: наша смена не будет хлюпиками и недотрогами, это будут новые Гоблоуны и Коголы, которые не считаются с какими-то синяками, кровоподтеками и переломами.

Однажды мы с Гоблоуном встретились на танцах и малость не поладили. Не то чтобы мы так уж сразу возненавидели друг друга, боже упаси! Просто дело привычки, ведь мы крепкие ребята, не какие-нибудь хрупкие статуэтки, так что сами не заметили, как сцепились по всей форме. В общем, грубая «игра корпусом».

За грубую «игру корпусом» в хоккее, это знает каждый младенец, полагается самое большее по пять минут, ни секундой больше. Мы с Гоблоуном, как заправские спортсмены, готовы были принять такую кару. Но оказалось, что в районном суде и понятия не имеют о хоккее: вместо пяти минут суд припаял нам по пять недель за хулиганство...

Перевод с чешского.

Адам ОХОЦКИЙ

Прогульщик

Лениво потянулся, зевнул и посмотрел на часы. Без четверти восемь. В восемь надо быть на работе. Уже не успеть. Даже если не завтракать и взять такси.

Что делать? И без того уже два выговора... Если он опоздает еще сегодня, безусловно, уволят.

Вдруг он хлопнул себя по лбу! Есть идея! Это будет здорово!

Не спеша побрился, умылся, позавтракал, долго и старательно завязывал галстук. Вышел из дому и через несколько минут подошел к двери, на которой виднелась табличка:

Ян Зомбек
Зубной врач
Прием с 15 до 18.

Дверь открыла заспанная женщина.

— Я к доктору, — сказал он... — Знаю, знаю, сейчас нет приема. Но объясните ему, что это несчастный случай. Пожалуйста, очень прошу, скажите: несчастный случай!

Присел на диванчик и облегченно вздохнул. Распахнулась дверь кабинета, и доктор сказал:

— Пожалуйста, войдите.

Уселся в зубо-врачебное кресло.

— Вот этот зуб, доктор, впереди... Вырвите, пожалуйста, сейчас.

— Но ведь это совершенно здоровый зуб!

— Дико болит, доктор!

— Хм, надо сделать рентген...

— Нет, доктор, рвите сразу, сейчас, без укола!

Доктор покачал головой и взял щипцы...

Все! Измученный, взмокший прогульщик счастливо улыбался окровавленными губами. Теперь начальство не придерется!

— Доктор, дайте мне, пожалуйста, справку, что я сегодня рвал у вас зуб. Спасибо. Сколько я вам должен?

— Триста золотых.

— Триста? Но ведь вырвать зуб, я знаю, стоит только сто золотых. А я даже без укола...

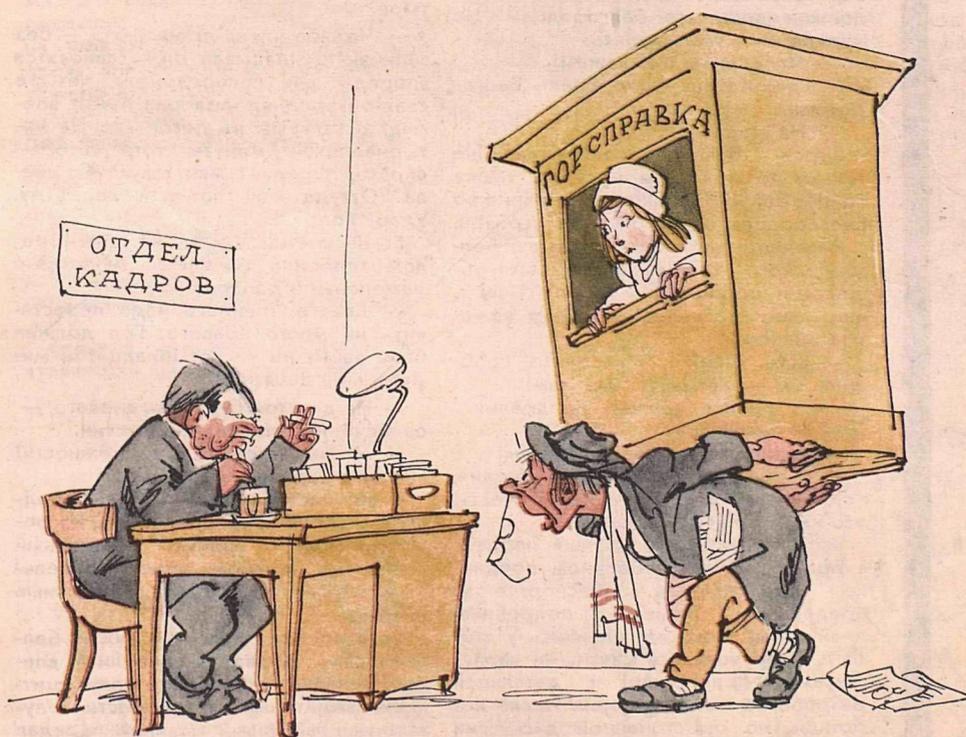
— Все это совершенно верно, дорогой мой. Но ведь сегодня воскресенье. Так сказать, выходной день...

Перевод с польского.

— У нас механизмы загружены на сто процентов!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Ну, какую вам еще надо справку?

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

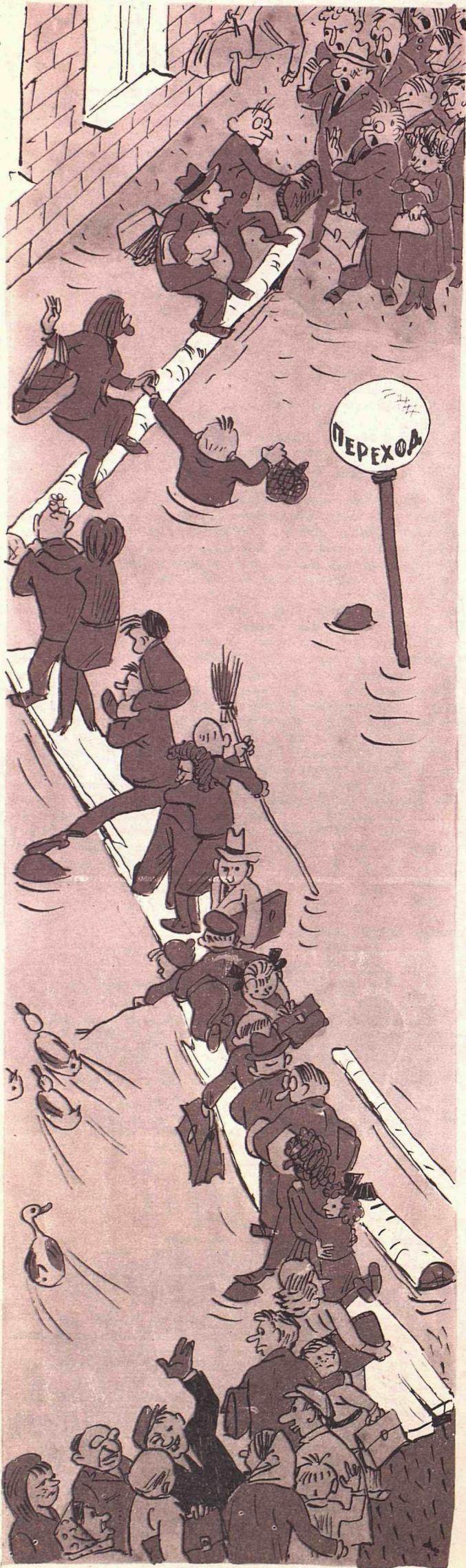

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Вот и у нас одностороннее движение!

Б. ДАНЕЛИЯ

А. ГОЛУБ

ОБ

САГА

ОФ

САМ

ДАХ

Рисунки

А. ЕЛИСЕЕВА

М. СКОБЕЛЕВА

1. ЧЕТЫРЕ — ДВА — ЧЕТЫРЕ

Лавры не делят.
Если человек в поте лица честно заработал лавровый венок, никто не вправе ему сказать: отдай половину! И это вполне понятно. Лавровый венок — не кружок колбасы, его не поделишь на части. Кроме того, споловиненный венок выглядел бы неэстетично, и на голову его не наденешь.
Казалось бы, все ясно. Но некоторые все-таки претендуют если не на целый венок, то хотя бы на один лепесток.

Курыне приехали в Белгород подводить итоги соревнования. В ходе проверки выяснилось, что белгородцы обошли соседей по всем статьям.

По молоку.

По мясу.

По свекле.

Белгородские несушки опередили курских товарок по яйценоскости. Свиноматки — по продуктивности.

Казалось бы, лавровый венок победителей целиком и полностью должен достаться белгородцам. Но курыне косо усмехнулись:

— Мы еще свое покажем!..

— Где? Когда? — оторопели белгородцы.

— На стадионе.

Курск и Белгород соперничали не только по молоку и мясу, но также по футболу. Абсолютное первенство белгородцев оказалось под угрозой.

Накануне матча председатель Белгородского союза спортивных обществ и организаций Виктор Павлович Воцев созвал футбольных вожakov области.

— Есть мнение, — деловито сообщил он, — навтыкать курынам!

Собравшиеся дружно загалдели:

— И навтыкаем!

— Да мы их мячами закидаем!

— Минуточку! — требуя внимания, поднял руку Воцев. — Прошу учесть, это не мое личное мнение...

Чтобы обеспечить полный перевес в предстоящем футбольном поединке, председатель облспортсоюза предложил составить подробный план игры. Вожак столпились у стола и, вооружившись цветными карандашами, приступили к детальной разработке матчевых атак. После короткой, но ожесточенной дискуссии было решено применить испытанную систему 4—2—4. В окончательной редакции разработанная диспозиция выглядела так.

В первую же минуту форварды устремляются вперед, за ними следуют полузащитники. Защитники занимают места полузащитников. Игра идет на половине поля противника. На четырнадцатой минуте левый крайний передает мяч правому крайнему, правый возвращает левому, тот перепасовывает центрфорварду. Опасное положение! Удар! Гол! Игра начинается с центра, комбинация повторяется...

Через час с этим планом ознакомился председатель облсовпрофа Капустин.

— А не подведете? — сурово глядя в глаза Воцеву, спросил Капустин.

— Будем стоять намертво! — клятвенно заверил председатель облспортсоюза.

Успокоенный председатель облсовпрофа поспешно захихнул план в кожаную папку и отправился с докладом в вышестоящую инстанцию.

В изложении Капустина все выглядело просто, как дважды два — четыре.

— Четыре члена профсоюза, — без запинки докладывал он, — становятся впереди, два посередине и четыре сзади. Передняя четверка бежит вперед, остальные их догоняют. На четырнадцатой минуте тот, который справа, передает мяч тому, что слева. Оттуда мяч летит в середину. Удар! Гол!

Вышестоящая инстанция план в целом одобрила, но внесла некоторые изменения и дополнения.

— Левого крайнего надо переставить на место правого. Гол должен быть забит не на четырнадцатой минуте, а на десятой.

— На десятой будет трудно, — озабоченно вздохнул Капустин.

— Мобилизуйте все возможности! Найдите скрытые резервы!..

И вот наступил день матча. Городской стадион был переполнен. Из репродукторов грянул спортивный марш, на зеленое поле параллельным курсом выбежали футбольные команды.

Едва прозвучал свисток судьи, белгородские форварды ринулись вперед. За ними устремились полузащитники. Защитники заняли места полузащитников. Левый крайний передал мяч правому крайнему, правый перепасовал левому. Тот — центральному нападающему... Но тут мячом овладели курыне...

Удар! Гол! Но не в курские ворота, а в белгородские.

Игру пришлось начать с центра поля. Комбинация повторилась. И куряне один за другим забили в ворота белгородцев еще два гола.

Председатель Белгородского облсовпрофа, бледнея, бросил взгляд на часы. Шла десятая минута матча.

II. ВТОРАЯ РОДИНА БОЛЬШОГО ФУТБОЛА

Лавровый венок победителя в соревновании двух областей оказался некомплектным: не хватало одного полноцветного листка. Недополученный лавр больно ущемлял самолюбие, напоминая, что и небольшой футбольный мяч может причинить большой урон областному престижу.

На следующий день после поражения в приемной секретаря обкома партии Константина Степановича Попова толпились посетители. На прием тщательно пытались попасть ответственные работники областных учреждений и предприятий. Представители спортивных организаций проходили в кабинет без стука.

— Алло, алло! — названивала секретарша. — Председатель спортобщества «Спартак»? Вас срочно приглашает к себе Константин Степанович.

— Алло! Это тренерский совет? Всех просят к Константину Степановичу.

В короткие паузы между телефонными звонками к секретарше робко приближались утомленные ожидания посетители.

— Вы не забыли? Я от черной металлургии...

— Придется подождать.
— А я третий день хожу от большой химии, девушка.
— Не имеет значения...

Все было отодвинуто на задний план. И черная металлургия и большая химия. На повестке дня стоял вопрос о большом футболе.

Задача была сформулирована коротко и ясно: курян нужно поставить на место. Белгород должен стать городом классного футбола, его второй родиной. Для этого, по мнению участников совещания, имелись все условия. Более того, такая постановка вопроса была оправдана исторически. Если положиться на местных историографов, еще во время оно, едва земля очистилась от ледников и миновал великий потоп, на территории современного Белгорода, около нынешнего драмтеатра образовалась зеленая лужайка. На лужайку выбежали из окрестных пещер люди в тигровых трусиках и енотовых постелах и стали гонять мяч, сделанный из буйволиной шкуры.

Словом, теоретически все было обосновано. Оставалось решить задачу практически — вернуть белгородскому футболу материальную основу.

Вначале думали возложить ответственность на цементный завод.

— Разрешите? — пытаюсь восстановить свой пошатнувшийся авторитет, попросил слова Капустин. — Я в порядке предложения. А что, если бросить на это дело котлостроительный завод?

Капустину тут же возразили. Да, Белгородский котлостроительный завод — крупнейшее предприятие области. Крупнейшее, но не передовое. Завод не выполняет план по ассортименту, допускает перерасход заработной платы. Так можно ли ему доверить спортивную честь области?

Однако Константину Степановичу предложение Капустина пришлось по душе.

— Сколько чего он там недодал? — поинтересовался Попов. — Три паровых котла? Ерунда! Укрепим руководство — и дело пойдет.

Руководство укрепили в рабочем порядке. Директором котлостроительного завода выдвинули Б. Н. Чефранова. Его облекли особыми полномочиями и снабдили черной «Волгой» со спецномером. Номер начинался двумя красноречивыми «00». Это указывало на то, что пассажир персонального лимузина решает задачи областного значения.

И Борис Николаевич Чефранов их решал. Ознакомление с заводом новый директор начал со стадиона, так сказать, ведущего цеха котлостроительного производства. Затем стал знакомиться и с котлостроителями. Завидев какого-нибудь длинноногого индивидуума, директор мгновенно оживлялся:

— В футбол играет?
Если индивидуум отвечал «нет», директор терял к нему всякий интерес. А если собеседник говорил «да», его тут же брали на особый учет и выдавали талон на спецмолок.

Вскоре длинноногих набралось на пять футбольных команд. Однако на первой же тренировке Чефранов понял, что просчитался. Рослые котельщики при необходимости могли дать фору самому быстрому милиционеру, но забивать голы не умели.

— Да, — вздохнул Чефранов, — с такими орлами долго в директорах не походишь...

Между тем из вышестоящей инстанции раздавались нетерпеливые звонки. Сверху требовали доложить обстановку. А докладывать пока было нечего. Положение директора становилось шатким.

Однажды утром, когда над городом стояла предраассветная мгла и руководящие болельщики безмятежно нежались в постелях, черный лимузин, деловито шурша шинами, пересек черту областного центра и взял курс на Харьков.

III. МАРАКАНА И МАРАКАНЦЫ

В Харькове пассажир черной «Волги» нанес приватный визит Аркадию Григорьевичу Рабиновичу. Аркадий Григорьевич держался, как прославленный профессор медицины, принимающий на дому. Но к медицине

Рабинович никакого отношения не имел: он был частнопрактикующим футбольным тренером.

Рабинович галантным жестом пригласил посетителя в кресло.

— Коньяк? Кофе?
Директор завода сразу же проникся к хозяину дома глубоким почтением. Человек, который с утра пьет коньяк и запивает его кофе, чего-нибудь да стоит.

— Товарищ Рабинович, — переходя к делу, начал Чефранов, — белгородский котлостроительный завод находится в тяжелом положении. Надо помочь.

— Раз надо, значит, надо, — с готовностью откликнулся хозяин.

Ободренный отзывчивостью собеседника, Чефранов изложил суть дела. Белгородскому котлостроительному заводу срочно требуется футбольная команда. Она должна быть укомплектована не какими-нибудь зелеными новичками-самоучками, а настоящими асами кожаного мяча, не знающими поражений. Конечная цель — разгромить курян. Ради этого завод ничего не пожалеет. Все начинания Рабиновича будут иметь полную поддержку в областных организациях. В порядке вознаграждения за услуги завод положит тренеру сто восемьдесят целковых в месяц, предоставит квартиру в Белгороде и вручит наградный знак «Почетный котельщик».

— Сто восемьдесят? — удивленно переспросил тренер. — Да эти деньги я могу иметь, не покидая харьковской квартиры, которая, кстати говоря, меня вполне устраивает.

Боясь сорвать переговоры, Чефранов пошел на уступки.

Сошлись на трехстах шестидесяти рублях в месяц, на подъемных и жилплощади. От нагрудного значка Рабинович великодушно отказался, но взамен потребовал бесплатное питание.

— Ну что ж, подпишем контракт, — подытожил директор завода.

Домой Чефранов возвратился с видом человека, уверенного в своем завтрашнем дне. Вслед за ним в Белгород прибыл законтрактованный тренер. Прямо с вокзала директор повез его на заводской стадион «Котельщик».

— Вы знаете, что такое Маракана? — спросил Рабинович, стоя посреди футбольного поля. — Нет? Так я вам объясню. Маракана — это самый современный стадион в мире. Около Рио-де-Жанейро. Так вот, должен вас огорчить. Ваш «Котельщик» — это не Маракана.

Харьковский специалист потребовал реконструировать стадион в стиле современных спортивных сооружений. Установить стальные маты для освещения, перестроить трибуны, утеплить раздевалки. Без этого нечего и думать о настоящем футболе!

— А где мы возьмем мараканцев? — осторожно поинтересовался директор.

— Вы имеете в виду игроков? — уточнил тренер. — Должен вас сразу предупредить: я стратег, а тактик. Мое дело — обеспечить голы. Всеми организационными вопросами, в том числе подбором игроков, будет заниматься другой человек. Короче говоря, мне нужен ассистент.

На должность ассистента Рабинович рекомендовал Бориса Гуркина, москвича, проживающего в Харькове. Он друг детства заместителя председателя Всероссийской федерации футбола Осипова, на короткой футбольной ноге с ответственным секретарем федерации Моргуновым. Человек, которого все знают и который знает всех. Короче говоря, свой человек в большом отечественном футболе.

— Гуркин — это клад. А вам он обойдется всего в двести восемьдесят рублей ежемесячно. Не считая, конечно, бесплатного питания.

— Двести восемьдесят?!
— Именно так. Большой футбол стоит больших денег!

В тот же день Гуркину отправили срочную телеграмму: «Областной совет спортивных обществ, администрация белгородского котлостроительного завода приглашают вас на работу тренером-администратором команды класса «Б». Директор котлозавода (подпись). Председатель облспортсоюза (подпись)».

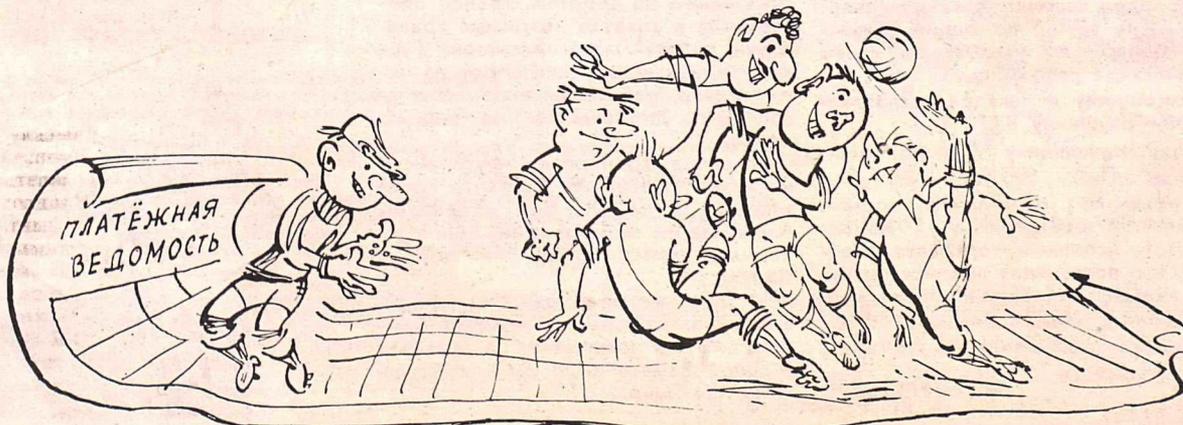
Из Харькова тут же пришел ответ: «Прошу подать к поезду автобус. Гуркин».

По многолетнему администраторскому опыту Гуркин знал: раз пришла телеграмма, надо везти футбольную команду.

Когда приехавшие с Гуркиным голенастые и коротко стриженные «мараканцы» шагали к автобусу, председатель завкома котлостроительного завода Божков вытолкнул навстречу им двух мальчуганов в спортивных костюмах. Ребяшки развернули перед футболистами алый транспарант: «Добро пожаловать!».

IV. НА ДВУХ ТОЧКАХ

Прибывшую команду временно разместили в многокомнатной квартире, резервированной для почетных гостей. Чтобы энтузиасты футбольного мяча не переживали слишком тягостно разлуку с родным домом, квартиру предусмотрительно обставили новой импортной мебелью. На окнах висели уютные горшочки с цветами, в кухне ослепительно

сверкала и излучала тепло семейного очага четырехконфорочная газовая плита.

Чефранову, председателю завкома Божкову и секретарю парткома Гринько не терпелось взглянуть на привезенных Гуркиным футболистов. Но тренер Рабинович всячески оттягивал встречу.

— Прошу повременить, товарищи,— сдерживал он напористых визитеров.— Мастерам надо отдохнуть.

А мастерам в это время было не до отдыха. В квартире для почетных гостей шла генеральная подготовка к встрече с заводским «треугольником».

— Башмаков,— рычал ассистент тренера,— пригладьте чубчик! Головачанский, бросьте эти ваши блатные шуточки! Слезьте с плиты и выньте руки из карманов!

Представлял игроков сам тренер. Футболистов вызывали по одному.

— Владимир Ожередов! — хорошо поставленным голосом инспектора манежа объявлял Рабинович.— Защитник. Играл за харьковский «Авангард». Вес — восемьдесят, рост — сто семьдесят.

— Виктор Немов! Защитник. Играл за команду Кривого Рога. Вес — семьдесят шесть. Рост — сто семьдесят семь.

— Виктор Богомолов! Нападающий. Играл за «Спартак» города Бреста. Вес — шестьдесят восемь. Рост — сто семьдесят.

Объявленный спортсмен, пружиня ногами, совершал показательную пробежку вокруг ковра, демонстрировал прыгучесть и скромно занимал один из стульев за спиной у тренера.

— Итак,— подвел итог Рабинович,— перед вами группа отважных мастеров кожаного мяча, прибывших из разных городов. Они готовы поддержать спортивную честь Белгородской области, положить на обе лопатки любого соперника. Дальнейшее будет зависеть от нас с вами...

Представители завода в знак согласия удовлетворенно закивали головами. Рабиновичу не зря положили двойной оклад: нужная команда была налицо. Оставалось вселить в игроков боевой дух. Для этого, по мнению «треугольника», необходимо было обеспечить три фактора: прожиточный максимум, благоустроенные квартиры и калорийное питание.

Мастеров по обработке металла в два счета оформили мастерами по холодной и горячей обработке металла. Защитника Ожередова, знавшего из всех известных цифровых сочетаний лишь таблицы чемпионатов, определили в экономисты. Вратаря Головачанского, по убеждению которого геометрия — это наука об угловых ударах, произвели в инженеры-конструкторы.

Трудовые обязанности нового отряда котельщиков состояли лишь в том, чтобы два раза в месяц подходить к кассовому окошечку. Но заводской комитет профсоюза усмотрел в этом вопиющую несправедливость и потребовал, чтобы футболисты заглядывали в заветное окошечко не два раза в месяц, а четыре. Администрация не стала конфликтовать с профсоюзом. Каждого члена команды зачислили на две ставки.

К чести Рабиновича и Гуркина следует сказать, они внимательно следили за тем, чтобы материальные блага распределялись среди членов команды равномерно и справедливо. Когда футболисты заняли свои места в штатном расписании котлостроительного завода, тренер устроил контрольную переключку.

— Матвиенко!

— Я!
— Сколько точек?
— Две!
— Масленников!
— Я!
— На двух точках?
— Так точно!

Да будет вам известно, что «точка» — это должность, на которой

После этого уведомления для футболистов наступили сплошные новоселья.

Организацию калорийного питания поручили завкому. Из заводской столовой повалили пар и чад. Шеф-повар жарил шашлыки по-кавказски. Повара первой руки готовили бефстроганов, ромштексы. Кухонные

— Спецмолоко кончилось.

Председатель завкома, потрясенный драматической новостью, пулей выскочил из кабинета.

— Кончилось спецмолоко! — влетел к директору, завопил Божков.

Сообщение председателя завкома не нуждалось в комментариях. Директор котлостроительного завода прекрасно знал, что бесплатное питание футболистов организовано за счет средств, предназначенных на спецмолоко для рабочих вредных профессий. Спецмолоко было, так сказать, единственным продуктом, из которого искусные заводские кулинары стряпали кулебяки, варили фирменную солянку и варганили шашлыки по-кавказски.

Чефранов обеспокоился не на шутку. За какой-нибудь месяц одиннадцать игроков, тренер и его ассистент выдули спецмолоко, которого хватило бы заводу на год.

— Ладно,— сказал Чефранов, поднимаясь из-за стола.— Вы думайте здесь, а мы с Константином Степановичем будем думать там. В обкоме.

Секретарь обкома Константин Степанович Попов с тревогой выслушал директора завода. Ему было ясно, что на котлостроительном заводе правильно поняли задачу. Администрация и завком ничего не пожалели для футбольной команды. Но другие предприятия и учреждения оказались в стороне. Отсюда и все трудности. Надо кое-кому подсказать, кое-что поправить...

Было решено пригласить в обком неохваченных распорядителей кредитов.

— Мы тут посоветовались,— сказал секретарь обкома А. Ф. Кривошей, когда распорядители кредитов были в сборе,— и решили поддержать наших котельщиков. Дело общее, все в нем заинтересованы, и поэтому все должны принять долевое участие.

— Простите,— раздался интеллигентный фальцет директора витаминного завода,— но, поскольку наш завод никакого отношения к футболу не имеет, разрешите мне удалиться.

— Все имеют отношение,— внес ясность Кривошей.

— Тогда мы дадим витамины! — спохватился обладатель фальцета.

Остальные участники совещания торопливо полезли в карманы за чекочными книжками.

Белгородский комбинат строительных материалов раскошелился на 1 000 рублей.

Контора материально-технического снабжения облмежколхозстроя выложила 1 500 рублей.

Облпотребсоюз с купеческой щедростью пожаловал 2 000 рублей.

Не ушел от обложения и витаминный завод. С небольшого предприятия, выпускающего желтенькие и синенькие кисло-сладкие шарики, слупили тысячу.

— В таком случае,— расставаясь с деньгами, пролепетал директор витаминного завода,— прошу назвать футбольную команду «Витамин «Б».

числится футболист. Одна точка — одна зарплата. Две точки — две зарплат. Многоточие — это идеал. Но и две точки тоже неплохо.

Боевой дух команды стал расти, как гидропонный огурец. Правда, при определении игроков на постоянное место жительства произошла небольшая заминка.

Депутатская комиссия горсовета не сразу поняла, какие высокие задачи возлагались на приглашенных.

— В Белгороде четыре тысячи очередников на улучшение жилищных условий,— заартачилась комиссия.— Какие уж тут футболисты!

— Ах, так! — взорвался помощник директора котлостроительного завода Галушкин.— Тогда пусть эти ваши очередники и забивают голы!

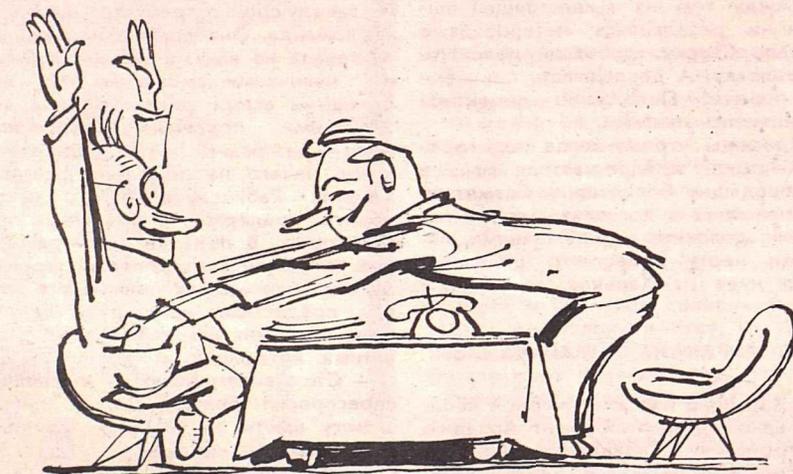
С этими словами Галушкин хлопнул дверью и покинул горсовет. По

подмастерья взбывали сливки и голь-моголь.

Футболисты отдавали должное стараниям работников пищеблока. Они ели с аппетитом и не отказывались от добавки. И хоть были в общем довольны, воздаваемые почести воспринимали как должное. И только одно экспансивное дитя не смогло сдержать переполнявших его чувств. Однажды, сытно пообедав, оно побежало на почту и отправило своему другу Вахтангу восторженную телеграмму: «Кормят бесплатно. Девушки что надо. Работать не надо. Приезжай. Шота».

V. СОВЕЩАНИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ

На стадионе «Котельщик» кипела жизнь. Чефрановские парни отрабо-

дороге его обогнала «Волга», в которой сидел исполкомовский курьер. Прибыв на завод, помощник директора обнаружил у себя на столе официальное уведомление:

«Помощнику директора котлозавода тов. Галушкину В. Г.

Копия: Начальнику ГОМ тов. Никишину М. П.

На Ваш № о прописке состава команды футболистов по ул. Народная, 101, исполком горсовета сообщает, что постоянная прописка граждан, указанных в Вашем списке, горисполкомом согласована.

Председатель исполкома горсовета

М. ЕМЕЛЬЯНОВ».

тывали передачи, финты и снайперские удары по воротам. Тренер прощивал в воздухе незримые траектории полета мяча. Ассистент Гуркин, сидя у вратарских ворот на чехмоданчике, работал головой: составлял меню для команды на неделю вперед.

Закончив тренировку, футболисты начинали тщательно выбивать спортивные костюмы. Над стадионом поднимались облака пыли. Они грозными тучами плыли в сторону Курска.

И вдруг в самый разгар тренировок к председателю завкома Божкову явился шеф-повар и, вытирая о халат замасленные руки, бесстрастно сообщил:

Продолжение в следующем номере.

ПОКУПАЙТЕ БИЛЕТЫ

беспроигрышной лотереи КРОКОДИЛА!

У С Л О В И Я Л О Т Е Р Е И :

Участвовать в лотерее могут
ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.

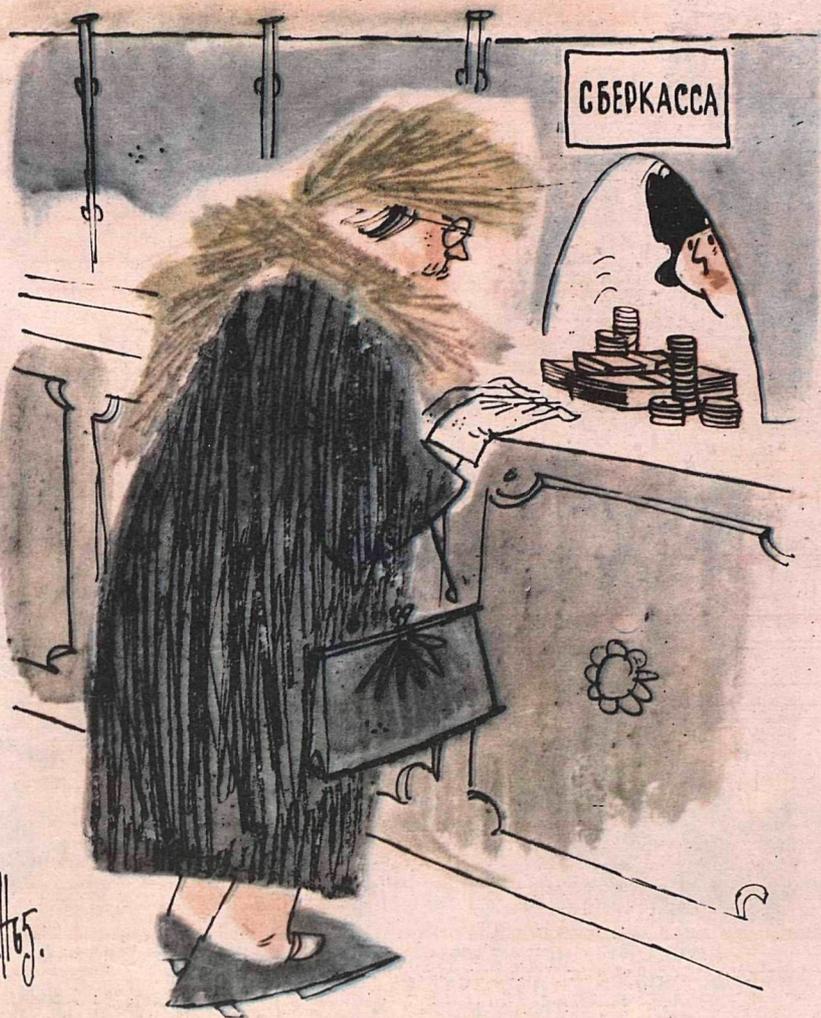
Билеты беспроигрышной крокодилской лотереи продаются
ВО ВСЕХ почтовых отделениях СССР.

Стоимость билета — 4 р. 32 к.

Продажа билетов заканчивается
25 ноября.

Каждый купивший лотерейный билет
ВЫИГРЫВАЕТ годовую подписку на Крокодил.

Доставка выигрыша на дом в течение года
ГАРАНТИРУЕТСЯ агентством «Союзпечать».

— А теперь положите обратно. Я хотела проверить, все ли на месте.

Рисунок Х. ХИЙБУСА

отклики РЕПЛИКИ

«СЕМЬ ШАГОВ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ»

Стерлитамакский горисполком решил обеспечить новые жилые кварталы микрорайонов 174 и «А» горячей водой и поручил это начальнику управления «Башсантехмонтаж» А. Манарову. Через год было обнаружено, что постановление горисполкома не выполнено. Тут же было принято второе постановление. Еще через год — третье, затем четвертое, пятое... Всего семь постановлений за четыре года. А горячей воды все нет и нет. Об этом рассказали члены контрольного поста Крокодила на строительстве Стерлитамакского химзавода (см. «Крокодил» № 15).

Секретарь Стерлитамакского горкома партии тов. В. Комиссаров сообщил, что работы по снабжению жилых кварталов горячей водой закончены.

РАЗВЕ ТАК ВЕЗЕТ!..

В заметке «Везет же людям», опубликованной в «Крокодиле» (№ 24), рассказывалось о тревожениях жителя города Кирова Н. Пестова, выигравшего по лотерейному билету пианино. Оказалось, что инструмент имеет много дефектов. Даже представители фабрики насчитали их пятнадцать. Н. Пестов послал директору ярцевской фабрики, изготовившей пианино, тов. Новикову слезное письмо с просьбой привести инструмент в порядок. Но тот не спешил.

Из Госбанка СССР нам сообщили, что вместо недоброкачественного пианино Н. Пестову выслана стоимость выигрыша. Кроме того, ярцевской фабрикой ему возмещены расходы по возврату неисправного инструмента. Партбюро фабрики строго предупредило директора Д. Новикова, указав на волокиту с ремонтом пианино.

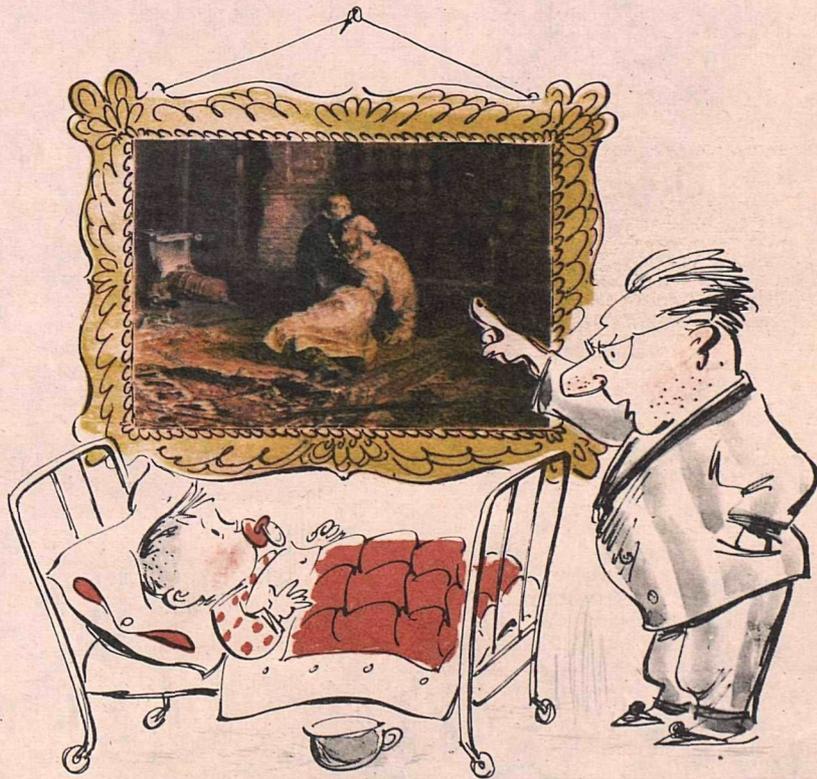
Намечены мероприятия по улучшению качества выпускаемой продукции.

«АНОНИМ ПРОСИТ ИЗВИНЕНИЯ»

Директор Ртищевской межколхозной птицефабрики Н. Милевский систематически занимался ложными доносами, писал грязные анонимки. Маскируясь под вымышленными фамилиями, аноним обливал грязью честных людей.

Об этом рассказывал фельетон «Аноним просит извинения», опубликованный в № 24 «Крокодила».

Как сообщил редакция секретарь Ртищевского РК КПСС Саратовской области тов. Н. Жеван, фельетон «обсужден на партийном собрании птицефабрики и на заседании бюро райкома партии. За сочинение клеветнических писем члену КПСС Милевскому Н. Н. объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Милевский от работы освобожден».

— Вот видишь, что значит не слушаться папу!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

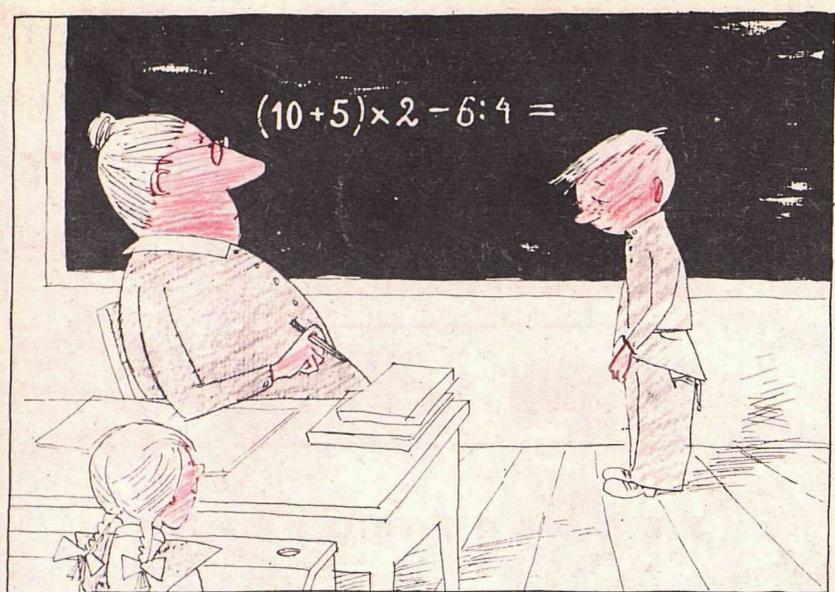
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 0-10-86.

Издательство «Правда».

А 13303. Изд. № 1563. Подписано к печати 29/Х 1965 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 2 900 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л. Заказ 2 902.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

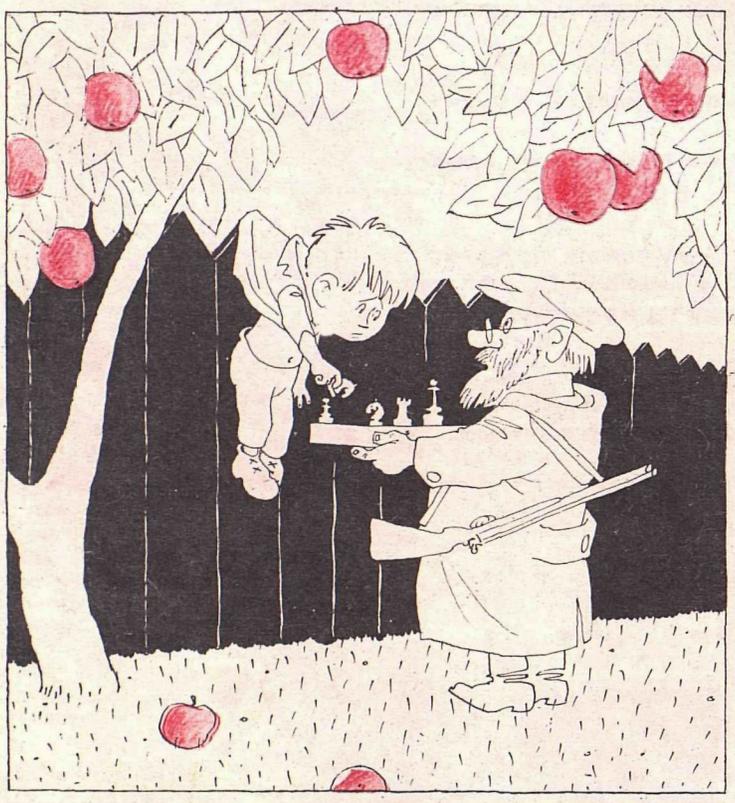
Индекс 70448
Цена номера 12 коп.

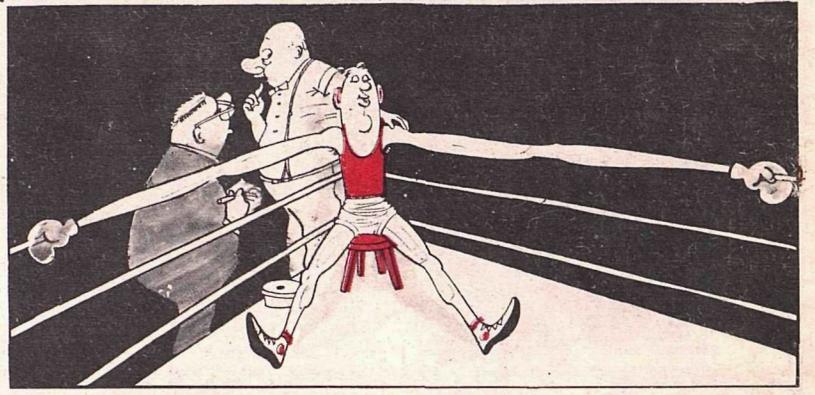
— Может быть, мне лучше сходить за родителями?
Рисунок М. СОКОЛОВА

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

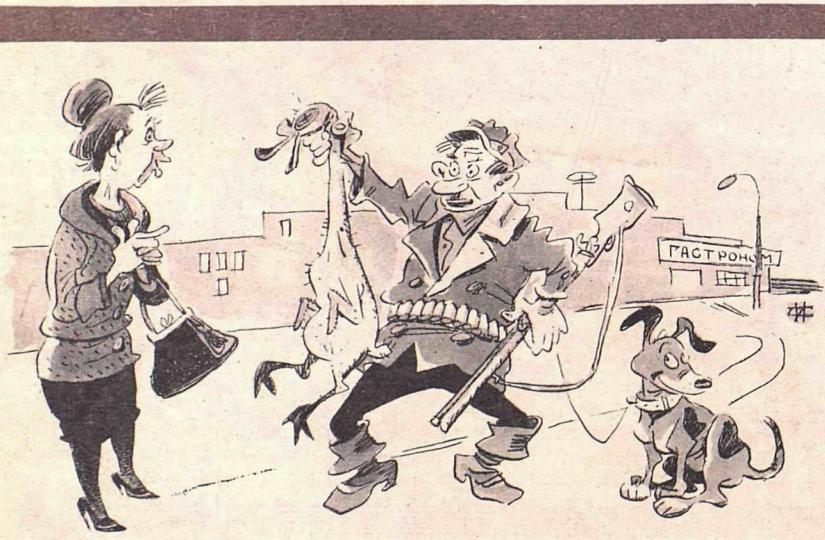
— Сыграем еще одну партию и отпущу...
Рисунок Е. ГУРОВА

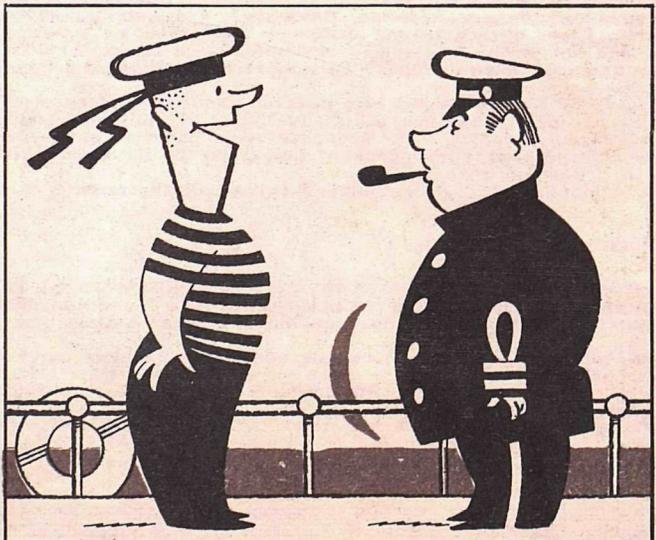
— Если б ты знал, с каким трудом мы перетянули его из рыболовной секции!
Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Вы что здесь стоите?
— Дальше деревьев н-н-нету!
Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Так это же не дикий гусь!
— Зато сильно одичавший.
Рисунок И. СЫЧЕВА

— Я вспомнил, что хотел сказать утром: «Человек за бортом!»
Рисунок М. ВАЙСБОРДА